Так берегись

Автор:
Макс Фрай

Так берегись

Макс Фрай

Сновидения Exo #8

Эта книга не о любви, хотя читателю так, скорее всего, покажется. И не о смерти, хотя читателю, несомненно, покажется так. Скорее уж о ненависти и жизни, такой перевертыш гораздо точней.

Ещё эта книга о границе между силой и слабостью; где она пролегает, не знает никто. О победе, оборачивающейся поражением, и о поражении, которое может обернуться победой, а может не обернуться, это уж как повезет. И о том, что продолжение, в любом случае, следует. Несмотря ни на что.

Макс Фрай

Так берегись

©Макс Фрай, текст, 2019

©Василий Половцев, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

– Иногда я испытываю опасное искушение, – сказал Нумминорих.

С этими словами он провалился в ад. И правильно. Чего тянуть.

По удачному совпадению, дело происходило в столице Соединённого Королевства, а здесь в ад не просто никто не верит, его даже умозрительно, как идею вообразить вряд ли кто-то способен, кроме редких представителей иных культурных традиций, вроде меня. Но моей способности вообразить что бы то ни было всё-таки недостаточно для его немедленного овеществления. Я не настолько крут.

Поэтому местному человечеству придётся и дальше обходиться без ада. Но это не страшно, жизнь и без ада вполне ничего. Достаточно сложная штука, чтобы не заскучать. Она полна сюрпризов, в частности ям и оврагов. Или канав. В общем, я точно не знаю, как следует классифицировать углубление в земной поверхности, в которое внезапно провалился мой собеседник. Я никудышный геодезист. Строго говоря, я вообще никакой не геодезист, а часть той силы, что в любой непредвиденной ситуации желает оказаться где-нибудь на другом краю Мира, но неизменно приходит на помощь пострадавшим – а куда деваться? Если уж твой спутник внезапно провалился в неподдающуюся классификации яму, надо его оттуда вытаскивать, иначе останешься один, как дурак.

– Я, в общем, подозревал, что дороги в этой части города находятся в довольно плачевном состоянии, но чтобы настолько… – удивлённо заметил Нумминорих после того, как я помог ему выкарабкаться из канавы.

К счастью, в результате падения пострадала только его одежда, а это вообще не проблема. Для быстрого приведения костюма в порядок в Мире существует Очевидная магия. Разнообразных магических способов почистить одежду так много, что иногда мне кажется, магию изобрели специально для этого, а все остальные трюки придумали позже – надо же было чем-то занять внезапно освободившиеся от стирки и глажки руки.

– А куда мы вообще забрели? – спросил я, оглядываясь по сторонам.

Я уже довольно давно живу в столице Соединённого Королевства, к тому же питаю слабость к пешим прогулкам, успешно заменяющим мне горькое

пьянство, буйный разврат, и какие там ещё бывают нормальные человеческие пороки. Поэтому был уверен, что неплохо изучил город. Но бескрайний пустырь, посреди которого мы с Нумминорихом оказались, не вызывал у меня даже смутного узнавания. Ещё и ночь выдалась пасмурная, небо сплошь затянуто тучами; в результате, темно, хоть глаз выколи. Я неплохо вижу в темноте, но ночью всё выглядит настолько иначе, что даже исхоженный вдоль и поперёк соседний переулок можно не узнать.

– Это уже совсем рядом с Новым городом, – объяснил Нумминорих. – До моего дома отсюда примерно полчаса – если сможем достаточно быстро выйти на нормальную дорогу, что, честно говоря, совсем не факт. Я нарочно повёл тебя кружным путём: на ходу хорошо говорится…

– Да не то слово, – ухмыльнулся я.

– Ладно тебе, мы же не каждые пять минут в ямы падаем. За всю прогулку вообще в первый раз.

И ведь не возразишь. Но я всё равно возразил:

– Главное начать, дальше дело пойдёт веселее. В смысле, будет больше хороших, глубоких ям.

– Такое вполне возможно, – неохотно признал Нумминорих. – Я так увлёкся разговором, что сам немного заплутал.

Я не стал предлагать ему выбираться отсюда Тёмным Путём. И сам понимал, что это неспортивно. К тому же Нумминорих только начал рассказывать про интересное. В смысле, про опасные искушения. Такие разговоры я очень люблю.

– Так что за искушение ты испытываешь? – напомнил я после того, как Нумминорих неуверенно ткнул пальцем в каком-то сомнительном направлении, и мы наконец тронулись в путь. – Ты так и не договорил.

– Остаться в другой реальности, – объяснил Нумминорих. – Не навсегда, конечно, но хорошенько так задержаться, надолго. Хотя бы на год; лучше – больше. По-

настоящему там пожить.

Теперь явно была моя очередь проваливаться в ад, или хотя бы в канаву – просто чтобы отвлечься от необходимости осознать услышанное. Но я не справился с этой задачей. Всё-таки слухи о силе моих желаний сильно преувеличены. Даже самую обычную умеренно глубокую яму под ногами в нужный момент не могу для себя сотворить.

– Хренассе у тебя искушения, – наконец сказал я.

– Сам удивляюсь, – легко согласился Нумминорих. – Совершенно на меня не похоже – испытывать желания, которым лучше бы не сбываться. Мне же там даже не особо нравится. Ну как, «нравится», «не нравится» – не разговор. Я пока просто не знаю, как там всё устроено, по моему вкусу или нет. Но чужие запахи почти невыносимы – понятно, что просто с непривычки, но пока оно так. И не только запахи, есть кое-что похуже. Такое, знаешь, явственно ощутимое сопротивление, моё собственное, внутреннее и одновременно внешнее, неведомо чьё, но скорее всего самого незнакомого, чужого мира – тебя здесь не должно быть. В этом вопросе мой организм и иная реальность на удивление единодушны. Понимаешь, о чём я?

Я молча кивнул. Ещё бы я не понимал.

– Поэтому всякий раз…

– «Всякий раз»? – перебил его я. – То есть погоди. Ты уже много раз в одиночку путешествовал между мирами?!

– Всего шесть, – признался Нумминорих.

– Ну ты даёшь, – вздохнул я.

Других комментариев у меня пока не было. Вернее, были, но в таких выражениях, которых не только Нумминорих, а вообще никто во Вселенной не заслужил.

– Это, наверное, самое захватывающее приключение из всех, что у меня были, – мечтательно сказал он. – В одиночку путешествовать через Хумгат, ни с кем не посоветовавшись, никого не предупредив, даже без формального разрешения, которое по-хорошему, наверное, надо было бы получить. Свинство, конечно, с моей стороны – ничего тебе не рассказывать. Но оказалось, это очень здорово – иметь такую тайну. Вдруг остаёшься с Миром один на один, без защитников и посредников. И чувствуешь, что Мир принимает тебя всерьёз, практически на равных. Удивительное ощущение!

– Твоя правда, – согласился я.

Очень неохотно согласился, поскольку ясно понимал, что, если этот красавец однажды заблудится в Коридоре между Мирами, или застрянет в чужой реальности, это будет моя проблема. В смысле, не кому-то, а именно мне придётся его искать. Как – отдельный вопрос, ответа на который я не получу, пока не сделаю. Честно говоря, я бы с удовольствием отложил эту интересную задачу на пару десятков тысяч лет.

С другой стороны, объективно за Нумминориха можно было только порадоваться: одинокие путешествия через Хумгат, о которых никто не знает, – отличное занятие для начинающего мага. То есть для Нумминориха, меня самого и ещё кучи народу, включая сэра Джуффина Халли и его всемогущих древних учителей. По большому счёту, в магии все всегда начинающие. Даже те, кто практикует её много тысяч лет.

Поэтому я не стал оглашать окрестности бескрайнего пустыря бессвязными бранными выкриками, а просто сказал:

– Ты очень крутой. Мне и в голову не приходило, что ты уже можешь вот так запросто в одиночку путешествовать между мирами…

– Так ты же сам меня научил, – напомнил Нумминорих. – Я, собственно, потому и решился на самостоятельные путешествия, надо же тренировать полученный навык. Было бы очень обидно его утратить и потом начинать всё сначала.

– …но круче всего, что ты только сейчас проболтался, – закончил я. – Вот это действительно великий подвиг. Тайны – дело хорошее, и ощущение, что Мир принимает тебя всерьёз, дорого стоит, ты прав. Но лично меня разорвало бы,

если бы никому не растрепал.

– Ну, мне в этом смысле гораздо легче, – улыбнулся Нумминорих. – У меня есть жена.

– Брачные узы каким-то образом ослабляют желание хвастаться? – удивился я.

– Самым простым: когда становится совсем невмоготу, можно похвастаться жене. Благо Хенна не хуже сэра Джуффина умеет восхищаться, выспрашивать подробности и делать большие глаза в нужных местах. И молчать она тоже отлично умеет, если её об этом попросить.

– У твоей жены железные нервы, – заметил я. – Мне и то не по себе стало, когда узнал о твоих прогулках между мирами, а уж ей-то впору сразу сойти с ума. Или Хенна думает, это совершенно безопасно – всё равно, что в соседнюю лавку сходить?

– Хенна не настолько наивна, – улыбнулся Нумминорих. – То есть она вообще ни насколько не наивна, ни капельки, совсем! Просто точно знает, что со мной ничего ужасного не случится, я не погибну, не пропаду и не сгину, пока наши дети не вырастут. Я в своё время дал ей такое специальное твёрдое обещание, которое невозможно нарушить, даже если очень захочется. Но мне и не хочется. Зачем это вдруг погибать?

– Да, точно. Специальный древний обет, названный по имени кого-то доисторического[1 - Обет Лаллориха, названный так в честь одного из соратников Ульвиара Безликого, который то ли придумал такой способ держать слово, то ли просто был первым, кому пришлось испытать силу обета на себе, – этих подробностей история, увы, не сохранила. Своего рода заклинание, подчиняющее не волю приносящего обещание, а обстоятельства, которые будут вынуждены содействовать его выполнению.], – вспомнил я. – Ты об этом как-то рассказывал, но у меня вылетело из головы, что ты настолько неуязвимый. Это, конечно, круто. Особенно меня радует, что твоим детям до совершеннолетия пока ещё далеко; пока они подрастут, глядишь, я успею научиться спасать всё, что шевелится, не вставая с дивана, одним мановением руки… Но твоё искушение мне всё равно не нравится.

– Оно мне самому не нравится, – кивнул Нумминорих. – Поэтому я и решил всё тебе рассказать. Когда так сильно хочется надолго задержаться в месте, где чувствуешь себя настолько чужим, что даже дышать трудно, – это здорово смахивает на безумие. А я предпочёл бы оставаться в здравом уме. В юности я, как многие, думал, что быть безумцем гораздо интересней, чем нормальным человеком, но с тех пор, как учился на знахаря и проходил практику в Приюте Безумных, точно знаю, что это не так.

– Всё-таки вряд ли ты сходишь с ума, – сказал я. – Просто все реальности разные, каждая со своим характером. И среди них встречаются жадины: любого пришельца норовят захапать себе навсегда. Ну или не любого, а только того, кто очень понравится. Но маги обычно всем сразу нравятся, вот в чём наша беда. Меня самого знаешь сколько раз пытались оставить в коллекции? У-у-у, даже вспоминать не хочу! Тебе, на самом деле, ещё крупно повезло отделаться всего лишь желанием задержаться подольше, которое даже тебе самому кажется странным. На фоне того, как обычно бывает, когда хищная реальность разевает пасть на вкусного и полезного юного мага, это вообще не проблема. Главное – память о себе не потерять.

– Не потеряю, – улыбнулся Нумминорих. – Тут мне крупно повезло, я же учился у Тубурских сновидцев. И с тех пор привык в любой ситуации, включая обыденные и привычные, первым делом вспоминать, кто я. «Я – Нумминорих Кута, нюхач из Ехо», – иногда пару сотен раз за день успеваю повторить, наяву, во сне, на Тёмной Стороне и в Хумгате… Кстати, в Хумгате это здорово помогает не растеряться и не забыть, куда собирался пойти. Потому что вообще-то ещё как можно! Я там всегда хочу сразу всего и одновременно ничего конкретного. Но стоит сказать себе: «Я – Нумминорих Кута», – и это почему-то очень отрезвляет. У меня есть обычное человеческое имя, значит, я – просто человек. А у людей всегда есть какие-то понятные дела, цели, желания, вот и у меня тоже…

– Ты очень крутой, – повторил я.

Хотя, наверное, лучше бы всё-таки начал ругаться. Потому что чёрт знает что творит этот псих, за которого я, по идее, несу ответственность. Или уже не несу, раз он и правда такой крутой? Сложный вопрос.

Ну или наоборот, гораздо более простой, чем мне хотелось бы. Потому что, по моим ощущениям, я несу ответственность вообще за всё происходящее во Вселенной, включая ритуальный танец пятисотлетней шаманки Беруди-Ай-Им-

Пщутто из племени Кубарачей, обитающего в вечноснежных степях материка Улимхайя на планете Зузадда, что вращается вокруг красной звезды Юль-Камыс – так вот, если достопочтенная дама споткнётся во время своего ритуального танца, все претензии ко мне, это я не уследил. И тот факт, что ни её самой, ни племени Кубарачей, ни планеты Зузадда, ни даже красной звезды Юль-Камыс, скорее всего, не существует, не снимает с меня ответственности, данной мне исключительно в ощущениях, но этого совершенно достаточно. Всё равно кроме ощущений у меня ничего толком нет.

А Нумминорих как минимум ничем не хуже этой наскоро выдуманной шаманки. Поэтому шансы, что я однажды перестану чувствовать ответственность за его жизнь и рассудок откровенно невелики.

Но это исключительно мои проблемы. Нумминорих совершенно точно не должен от них страдать. Поэтому я не стал хмурить брови и изрекать мрачные пророчества с целью надолго отбить у него охоту самостоятельно путешествовать между мирами. А просто сказал:

– Хорошо, что у тебя есть такая подготовка. И это твоё магическое обещание не сгинуть, пока дети не подрастут. С такими козырными картами вполне можно позволить себе флиртовать с иными реальностями. Без них тоже можно, просто ставки будут повыше. Ну и не факт, что непременно повезёт. Впрочем, мне до сих пор везло, как видишь. А у тебя удачи побольше моего.

– Так и знал, что тебе можно всё рассказать! – обрадовался Нумминорих. – И ты не запретишь продолжать в том же духе. И не наложишь на меня какое-нибудь специальное заклятие, препятствующее путешествиям между Мирами, до тех пор, пока опыта не наберусь.

Отличная, между прочим, идея, мрачно подумал я. Но вслух сказал:

– Если запретить, как же ты этого грешного опыта наберёшься? С запретами вечно такая проблема.

– Многие так рассуждают, – улыбнулся Нумминорих. – Но как доходит до дела, сразу решают, что проще всё-таки запретить.

– Им, наверное, действительно проще. А для меня это и есть самое сложное – кому бы то ни было что-нибудь запретить, – признался я. – Сам знаешь, у меня довольно специфическая разновидность могущества: достаточно щёлкнуть пальцами, и мой Смертный Шар лишит воли любого, от королевской особы до воскрешённого мертвеца. С тех пор как я в первый раз проделал этот фокус, нет для меня ничего ужасней чужого повиновения. И ничего гаже отдающего приказы себя. Иногда всё равно приходится – и Смертные Шары метать, и просто командовать, потому что другого выхода нет. Но чем реже меня будет тошнить от себя, тем лучше. Причём сразу для всех.

– Я не знал, что ты так к этому относишься, – удивился Нумминорих. – Думал, тебе всё легко – могу колдовать, могу не колдовать. А Смертные Шары так редко пускаешь в ход, потому что это слишком просто и не особенно интересно – всё равно, что сейчас уйти отсюда Тёмным Путём прямо в мой сад.

Нарисованный им образ восхитительно могущественного балбеса, способного отказаться от магии только потому, что она чересчур упрощает жизнь, так мне понравился, что я поспешил согласиться:

– На самом деле, правильно думал. Примерно так и есть – пока я не начинаю, горестно заламывая руки, рассказывать о потаённых безднах своей непростой души. Видимо, у меня врождённый талант из всего делать драму. Должен же он как-то реализоваться. Пьес-то я не пишу.

– Может быть, зря, – совершенно серьёзно сказал Нумминорих. – У тебя отлично бы получилось. Возможно, твои пьесы даже помогли бы возродить пришедшее в упадок искусство театральных представлений. Энтузиасты сейчас очень стараются, но на старом классическом материале их шансы заинтересовать широкую публику, сам понимаешь, невелики.

Рассуждать о возрождении театральных традиций Нумминорих мог бы до утра, причём послезавтрашнего. Сразу видно человека, недавно обедавшего с леди Кенлех. В глубине души я уверен: Кенлех кусает всех, кто попадается на её пути, и несчастные со страшным воем превращаются в завзятых театралов. Только своего мужа она почему-то великодушно щадит, по крайней мере, сэр Мелифаро так до сих пор и не увлёкся старинным театром, даже толком не научился делать вид, будто ему интересно, хотя временами очень старается, чтобы не обижать жену.

Меня леди Кенлех тоже пока пощадила, поэтому смена темы не вызвала у меня особого энтузиазма. И я решительно вернул Нумминориха с неба на землю. Можно сказать, сверг с театральных подмостков обратно в Хумгат. Сказал, старательно имитируя фирменную преувеличенно спокойную интонацию сэра Шурфа Лонли-Локли, от которой даже самым безудержным оптимистам обычно становится не по себе:

– А что касается искушения, о котором ты говорил, не вздумай ему поддаваться. Самая большая засада не в том, что тебе там не особо уютно. И даже не в том, что тебе вряд ли понравятся правила, которые придётся соблюдать, полноценно включившись в чужую жизнь. Хуже другое: надолго задержавшись в чужой реальности, можно однажды проснуться человеком, физически не способным попасть в Хумгат…

Лицо Нумминориха явственно вытянулось.

– А что, и так бывает?

– К сожалению, да. Реальность, частью которой мы неизбежно становимся, включаясь в поток её повседневной жизни, постепенно изменяет нас. И далеко не всегда к лучшему. Когда мы совершаем короткие путешествия между Мирами, изменения не успевают даже начаться, поэтому, в общем, всё равно, куда нас занесло. Но места для длительных остановок надо выбирать с умом. Существуют миры, исполненные магии – настолько, что по сравнению с ними у нас, можно сказать, вообще никакой магии нет. Говорят, в древности находились безумцы, которые нарочно отправлялись в подобные места и старались задержаться там подольше. Не всем удавалось уцелеть, но те, кому удавалось, возвращались домой такими могущественными колдунами, что земля не могла их носить; кстати, я слышал, именно из-за них и возникла вернувшаяся сейчас мода ходить, не касаясь земли, чтобы наглядно продемонстрировать свою крутость…

– А когда надолго задерживаешься в реальности, где магии гораздо меньше, чем у нас, можно постепенно перестать быть магом? – перебил меня Нумминорих.

– Именно это я и хотел тебе сказать. Я сам в своё время несколько засиделся в подобном месте. Хвала магистрам, не настолько долго, чтобы совсем разучиться. Но знал бы ты, как мне было страшно в Коридоре между Мирами после долгого

перерыва. Мне! Страшно! В Хумгате! Звучит, как полный абсурд.

– Да уж, – удивлённо согласился Нумминорих. – Всё равно как если бы я в собственном доме вдруг начал от ужаса орать.

– Тем не менее именно так и было. Но, хвала магистрам, прошло. Принято считать, будто всякий опыт драгоценен, но знаешь, по-моему, всё-таки нет. Есть вещи, без которых вполне можно обойтись. По крайней мере, добрую половину своего опыта я тебе совершенно точно не пожелаю. И вообще никому, начиная с себя.

По встревоженному выражению лица Нумминориха я понял, что снова перебрал с драматизмом и поспешно сменил тон:

– С другой стороны, без этого опыта был бы сейчас не я, а кто-то другой. И тоже говорил бы тебе ерунду, но какую-нибудь другую. С сослагательным наклонением вечно такая беда. Так что проще махнуть на него рукой и просто порадоваться, что ты такой шустрый, скачешь между Мирами без посторонней помощи, и всё тебе нипочём.

Сказал это и, что удивительно, действительно наконец-то обрадовался. По-настоящему, искренне, я имею в виду. Всё-таки привычка держать слово – отличная штука. При условии, что хотя бы иногда дельные вещи говоришь. И снова повторил:

– Нет, ты всё-таки правда очень крутой.

– Как же легко иметь с тобой дело! – просиял Нумминорих. – Узнал, что я тайком в Хумгате гуляю, и голову не оторвал. Хотя ясно же, что сразу подумал: «А ведь мне потом этого придурка, мать его за ногу, по всей Вселенной искать!»

– Ну уж нет, никакого «придурка» у меня в мыслях не было, – возразил я. – И мать, и нога там тоже отсутствовали. То есть я вообще ни разу не выругался, а очень вежливо и деликатно представил, как буду тебя, придурка, мать твою за ногу, искать по всей этой грешной, мать её за ногу, Вселенной. Оцени!

Я так его насмешил, что какое-то время мы шли, не разбирая дороги. Но больше никуда не проваливались. Наоборот, наконец-то благополучно вышли с пустыря в самом конце улицы Жареных Предков, уж её-то я хорошо знаю, такое название поди забудь. Она ведёт в Новый Город; когда едешь туда в амобилере, улицу Жареных Предков лучше объезжать стороной: мостовую тут ещё и не начинали приводить в порядок. Надеюсь, ещё долго не начнут, потому что мне нравятся цветущие кустарники, проросшие между вывороченными камнями. Ради такой красоты не жалко пару дюжин лишних раз споткнуться, когда идёшь по улице Жареных Предков пешком.

– Кстати, «предки» это просто такие маленькие квадратные пирожки, – заметил Нумминорих. – Старинная угуландская кухня. Драхховская то есть, без Очевидной магии, зато с кучей лесных трав и специальными рифмованными присказками, чтобы залепить каждый угол, теперь такие, наверное, только в самых глухих деревнях пекут. Давно собирался тебе это рассказать, а то даже страшно представить, что ты в связи с этим названием обо всех нас думаешь. Нравы у нас в старину и правда были те ещё, но всё-таки собственных предков на ужин не ели. А если и ели, то не массово. И не каждый день.

– А только по большим праздникам, – кивнул я. – Оно и понятно, количество предков в любом семействе строго ограничено. На каждый день точно не напасёшься. Не переживай, я уже свыкся с концепцией людоедства, до недавнего времени скрашивавшего суровые будни угуландских колдунов. Так что про пирожки можешь не заливать.

– Я и не заливаю, – совершенно серьёзно сказал Нумминорих. – Когда учился в Королевской Высокой Школе, писал курсовую об исторических и культурных причинах возникновения наиболее причудливых городских топонимов. Тогда про пирожки и узнал.

??*

Я проводил Нумминориха до калитки и наотрез отказался от его гостеприимства, потому что сладкое домашнее вино в беседке среди цветущих йокти и груш – дело, безусловно, хорошее, но не настолько, чтобы жертвовать ради него ещё одной долгой пешей прогулкой – назад, в Старый Город, через пустынный центр, местами всё ещё настолько заброшенный, что похож не на один из районов столицы Соединённого Королевства, а на незнакомый необитаемый мир,

исполненный какой-то неизвестной мне тёмной, причудливой магии, соблазнительной, как любая неразгаданная тайна.

На этом месте напрашивается закономерный вопрос: тебе что, незнакомых миров и магии мало? Правильный ответ – конечно мало. Мне всегда будет мало, сколько ни дай. Но одинокие прогулки по запутанным лабиринтам той части Ехо, которая когда-то была дальним пригородом, а после строительства Нового Города внезапно оказалась фактическим центром столицы, отчасти утоляют этот мой счастливый лютый голод по жизни, и ещё жизни, и ещё дополнительной порции жизни, вопреки здравому смыслу и вообще всему. Так что когда я шучу, будто эти прогулки заменяют мне горькое пьянство и прочую бездну пороков, на самом деле, не очень-то и шучу.

Предаваться греху продолжительной пешей ходьбы мне удаётся не сказать чтобы часто: имея все задатки беззаботного бездельника, я как-то незаметно ухитрился стать человеком, чей список обязательных дел может потрясти воображение любого трудяги. А ведь, кроме обязательных дел, существуют не обязательные, но такие приятные, что откладывать их на потом – ищи дурака.

Однако сегодня мне определённо везло: дело шло к полуночи, и никто до сих пор не прислал мне зов с предложением срочно куда-нибудь мчаться, потому что всё, как заведено в нашей жизни, пропало, или вот-вот пропадёт. Например, ядовитый арварохский заяц клец сбежал из Королевского зоопарка и в этот самый момент остервенело грызёт колесо новенького амобилера начальницы Столичной полиции. Поэтому амобилер мёртв, но непременно воскреснет, как только владелица сядет за его рычаг, и эту катастрофу следует предотвратить любой ценой: только оживших мёртвых амобилеров нам здесь для полного счастья не хватало… Так, всё, хватит, стоп!

Я шел по улице Жареных Предков и смеялся в голос, от избытка энтузиазма размахивая руками; со стороны наверняка выглядел, как натуральный псих. К счастью, смотреть на меня со стороны было некому. Эта часть городского центра как раз практически необитаема, бодрые Новые Древние застройщики во главе с моим другом Малдо сюда ещё не добрались.

Весна на меня до смешного предсказуемо действует: как на драного уличного кота. Только вместо вожделенной драной уличной кошки у меня весь этот

восхитительный Мир – раньше я бы сказал: «этот город», – но алчность моя с тех пор изрядно возросла. Я даже понемногу начинаю заглядываться на драных кошек с соседних улиц, в смысле, на иные реальности, так что мне ли упрекать Нумминориха. Не то чтобы я собирался всё бросить и устроить себе бесконечно долгий загул по чужим мирам, но любить-то их можно прямо сейчас, авансом, бескорыстно, можно сказать, платонически, то есть не порываясь никуда удрать. Просто чтобы было, чем занять своё сердце, которое по весне становится настолько огромным, что сам удивляюсь: как это я ухитрился такое отрастить?

Впрочем, нынешняя буйная, стремительная весна, пришедшая после долгой, холодной по здешним меркам зимы, свела с ума не только меня. Все вокруг начали чудить, начиная с сэра Джуффина Халли, чей рабочий кабинет в последнее время слишком часто оказывается пустым, и даже нюхачом быть не надо, чтобы распознать в его дыхании явственный аромат Тёмной Стороны. А такое, говорят, случается только с теми, кто проводит на изнанке нашего Мира как минимум вдвое больше своего личного, субъективного времени, чем на его лицевой стороне.

Трикки Лая я самолично застукал в одном безымянном прибрежном трактире с леди Тайярой и до сих пор не решил, радоваться за них обоих или всё-таки заранее сострадать. Профессор Дримарондо почти перестал ночевать дома, и я с понятным содроганием предвкушаю, как в один прекрасный день нам под дверь подкинут лукошко с целым выводком говорящих щенков. Сэр Кофа Йох буквально третьего дня проспал утреннее совещание – я-то на него, разнообразия ради, как раз пришёл, потому что ещё не ложился, и получил счастливую возможность подробно обсудить с коллегами тонкие различия оттенков значения глаголов «удивился», «охренел» и «офонарел». Даже железная леди Кекки Туотли, великий мастер виртуозного ни к чему не обязывающего флирта с потенциальными поставщиками интересной информации, внезапно закрутила роман с музыкантом, от которого только и пользы, что доступ к расписанию ближайших секретных концертов для своих; как профессионал я фраппирован, а по-человечески очень за неё рад. И только Мелифаро, можно сказать, легко отделался – часами кружит над городом на дурацкой летающей доске собственного изготовления, поэтому на более традиционные весенние глупости ему не хватает ни времени, ни сил.

А несколько дней назад столичная полиция поймала мошенника, выдававшего горькие травяные леденцы необычной формы за любовное зелье, якобы изготовленное по тайному рецепту семьи шиншийского Халифа, гостившего в

Ехо минувшей зимой. И, по моим прогнозам, будет вынуждена закрыть дело, потому что пока все жертвы беспринципного жулика единогласно твердят на допросах: «Средство отлично подействовало!» – и требуют его освободить.

Последствия одного из особо тяжёлых случаев весеннего безумия сейчас полыхали у меня над головой, натурально огненными буквами в небесах: друг мой сэр Шурф внезапно вспомнил, как мы с ним развлекались полтора года назад, окончательно переложил свои великие магистерские дела на плечи угнетённых секретарей и вплотную занялся начатым тогда просветительским гуманитарным проектом. В смысле, каждую ночь пишет в небе какой-нибудь очередной шедевр угуландской поэзии, древней, классической, или современной – это смотря какая вожжа под какой из хвостов попадёт. Счастье ещё, что врождённое чувство умеренности не позволяет ему сопровождать написанное литературоведческими комментариями, которым всё-таки место на бумаге, а не в небесах.

Днём ему на смену приходят орденские девчонки, которые внезапно увлеклись этой затеей чуть ли не больше, чем он сам. И это отлично, потому что буквы, написанные в небе, остаются видимыми максимум несколько часов, а благодаря добровольным помощницам, стихи сменяют друг друга круглосуточно, практически без перерывов, так что горожане уже привыкли спрашивать друг друга при встрече: «Ты сегодня небо читал?»

Сейчас в ночном небе сияли только две строчки: «Когда я умер в городе, где хрустальные лестницы». Я не великий знаток угуландской поэзии, но именно это стихотворение Айры Кори помнил. И точно знал, что там ещё писать и писать. То есть мой друг совсем недавно приступил к работе. Так что я, пожалуй, и правда успею дойти – не факт, что до самого дома, но хотя бы до границы Старого города – прежде, чем у Великого Магистра завершится плановый приступ гуманитарного весеннего безумия, и он условно деликатно осведомится, не желаю ли я выпить с ним кружку тоже очень условной камры перед совсем уж смехотворно условным сном.

Иными словами, ясно было, что раньше, чем через час, а то и все полтора я не получу возможности наябедничать ему на Нумминориха, одолеваемого опасными искушениями. Душераздирающий монолог с эффектным

заламыванием рук стоял в моих планах на грядущую ночь под номером один. Не потому, что я думаю, будто сэр Шурф в последнее время как-то слишком уж хорошо живёт, и надо бы для равновесия пару раз ощутимо его огорчить. Просто для борьбы с опасными искушениями, поджидающими начинающих путешественников по далёким чужим мирам, наверняка есть рецепты, проверенные временем, в смысле, особо безбашенными магами древности. И может быть, пара-тройка этих рецептов даже записана неразборчивым почерком на каких-нибудь истёртых клочках пергамента, от которых в тайной сокровищнице библиотеки Иафаха сундуки ломятся. Ну или не сундуки. Чёрт их на самом деле знает, как они хранят особо древние рукописи, но главное, что как-то хранят, и сэр Шурф рад любому предлогу лишний раз в них порыться, так что, может, чего полезного и отыщет – вот о чём я думал, пока шёл, не разбирая дороги, мимо живописных руин загородной резиденции Ордена Дырявой Чаши. И одновременно о том, что ужасно хотел бы исследовать эти развалины, в идеале, предварительно превратившись в мальчишку, у которого даже при взгляде на мрачное наследие тяжёлого магического прошлого поджилки трясутся, но он всё равно лезет туда искать черепа погибших в последней битве магистров и припрятанные ими в заколдованных тайниках сокровища, такой молодец.

Впрочем, ладно, превращаться в храброго перепуганного мальчишку не обязательно, я и так – практически он, поэтому можно будет однажды исследовать руины Орденских резиденций просто так, по работе. Если, конечно, мне повезёт, и в тамошних подземельях заведётся какая-нибудь потусторонняя пакость, несовместимая с безмятежным течением общественной жизни. Потому что, будем честны, иначе у меня вряд ли найдётся время на это развлечение. Даже короткий романтический пикник на заросших весёлой весенней травой зловещих развалинах, пожалуй, не втиснется в график. Прискорбно, но нет.

Я так погрузился в размышления о спасительных древних рукописях и несбывшихся пикниках, что временно утратил связь с реальностью и опомнился только споткнувшись со всей дури о какой-то подлый неразличимый в темноте выступ, да так сильно, что не устоял на ногах. Рухнул на землю, коротко взвыл, даже толком не выругался поскольку так больно ушибся, что тут не ругаться надо, а срочно вспоминать простейшее знахарское заклинание, позволяющее быстро унять боль. Как это обычно бывает со знахарскими заклинаниями, применять его к себе гораздо трудней, чем к другим людям, поскольку сильная боль целиком захватывает внимание и отвлекает от собственно целительского

процесса. Но всё-таки, хвала магистрам, возможно. И я его вполне успешно применил – с третьей попытки, но учитывая мою неопытность, и на этом спасибо. После чего разулся и уже всерьёз занялся стремительно распухающей ушибленной ногой; пока она болела, даже пытаться было бессмысленно: лечить по-настоящему гораздо трудней, чем просто ликвидировать боль.

Ногу я кое-как починил и, надо сказать, в процессе совершенно выдохся. Всё-таки знахарство – не моё сильное место. Счастье, что удалось научиться хотя бы азам, потому что довольно глупо себя чувствуешь, вынужденно обращаясь за помощью по любому пустяковому поводу, вроде хоттийской золотой лихорадки, от которой слегка поднимается температура, а окружающие предметы начинают казаться блестящими, или, как сегодня, ушибленной ноги.

Всё это пустяки, вряд ли заслуживающие внимания, однако возня с малознакомыми заклинаниями хотя бы отчасти объясняет глубочайшую растерянность, охватившую меня, когда издалека послышался шум, очень хорошо мне знакомый и одновременно совершенно невозможный, немыслимый в Ехо и вообще в этом Мире, потому что здесь нет поездов. А шум, несомненно, был звуком приближающегося поезда, такое ни с чем не перепутаешь. Даже если потерял память обо всех прежних жизнях сразу, всё равно встрепенёшься от этого постепенно нарастающего ритмичного гула. А я память, вроде бы, не терял.

Некоторое время я неподвижно сидел на земле, ничего не предпринимая, и вопросительно сверлил взглядом ночную тьму. Только когда упомянутая тьма озарилась сигнальными огнями приближающегося паровоза, до меня дошло, что я сижу практически на рельсах. То есть буквально в нескольких сантиметрах от них. Ясно теперь, обо что я так неудачно споткнулся. Бред собачий: в самом центре столицы Соединённого Королевства умудрился налететь на рельс!

Некоторое время я разглядывал и осторожно ощупывал рельсы и шпалы между ними – надо же, совершенно как настоящие! – наконец сообразил, что следует отойти от них хотя бы на пару шагов. Когда живёшь в Магическом Мире, быстро привыкаешь относиться к иллюзиям с не меньшим уважением, чем к плотным, увесистым материальным объектам. От иного наваждения вовремя не увернёшься – не жалуйся потом, если зашибёт.

Пока поезд приближался, я успел почти перестать ему удивляться. Вспомнил, что в Ехо, кроме невиданного разгула традиционной угуландской Очевидной магии, которой, будем честны, за глаза достаточно, чтобы свести с ума впечатлительного человека, существуют ещё чужие сновидения разной степени достоверности. Большинство из них подобны цветному туману из тюрбана ярмарочного фокусника и рассеиваются от первого же пристального взгляда, но некоторые реальнее самой нашей здешней жизни. Весомее и, я бы сказал, неумолимее: хоть отворачивайся, хоть глаза закрывай, а они никуда не денутся, пока их невольный, или наоборот, злонамеренный создатель не проснётся где-нибудь у себя дома, в одном из невообразимо далёких миров.

В этом смысле приближающийся состав не представлял собой ничего невероятного. Почему бы обитателю какой-нибудь реальности, в которой существуют железные дороги, не увидеть во сне, как он мчится через наш город в поезде? Или даже, что он сам и есть паровоз с вагонами. До сих пор на моей памяти ничего подобного не случалось, но «на моей памяти» означает – всего-то за полтора года. Невелик срок.

В общем, рациональная часть моего ума настойчиво твердила, что ничего необычного в появлении поезда в самом центре столицы Соединённого Королевства нет. Но это совершенно не мешало всем остальным составляющим моей сложно организованной личности натурально верещать от восторга на разные голоса: «Поезд! Самый настоящий поезд! С паровозом! Уже совсем близко! И рельсы гудят!»

Приободрённый моим восхищённым вниманием, паровоз и сам загудел, да так пронзительно, что его наверняка было слышно не только в модных новых кварталах вокруг Удивительной улицы, до которых отсюда ещё идти и идти, но и в Новом Городе. И в Старом за компанию. И, возможно, во всём Угуланде. Вообще везде. По крайней мере, мне сейчас так казалось – громкий паровозный гудок стал впечатлением такой силы, что заполнил меня целиком, временно отменив всю остальную реальность. То есть, конечно, не саму по себе реальность, а только мою способность её воспринимать.

Я стоял, натурально распахнув рот, вдыхал восхитительный запах паровозного дыма и во все глаза смотрел, как мимо меня неторопливо проплывают спальные вагоны, мелькают светящиеся окна купе, в одном пассажиры поднимают бокалы, в другом целуются, в третьем уткнулись в газеты – всё, как обычно бывает в

поездах дальнего следования, и в жизни, и в кино.

В детстве я часто бегал к железной дороге, глазел на проезжающие поезда, жадным взором пожирал скучающих пассажиров, за краткий миг успевал придумать каждому целую жизнь, полную фантастических событий и удивительных приключений – ясно же, что в поездах ездят настоящие путешественники, у каждого из них должна быть удивительная судьба.

И теперь, когда выяснилось, что у меня самого настолько удивительная судьба, что впору отыскать у неё регулятор и немного убавить этой грешной удивительности, до, скажем так, совместимой с жизнью величины, в этом смысле ничего не изменилось. Я как завороженный смотрел на пассажиров поезда-наваждения и искренне думал: «Какая же у них чудесная жизнь!»

Теоретическое понимание, что никакой жизни, ни чудесной, ни заурядной, у этих людей нет вовсе, потому что они всего лишь снятся кому-то, а мне мерещатся просто так за компанию, ничего не меняло. С теоретическим пониманием у меня вечно такая беда – оно существует само по себе, как бы для галочки, чтобы, если понадобится, быть высказанным вслух и стать своего рода пропуском в мир разумных, адекватных людей, а на мои чувства оно не особо влияет. Да и на поступки, скажем так, через раз.

Я до сих пор не могу объяснить, что мною двигало в тот момент, когда я вскочил на подножку последнего вагона поезда-наваждения и обеими руками вцепился в поручень. Скорее всего, самая обычная дурь, которой у меня, положа руку на сердце, в избытке. Но радовался я в тот момент неописуемо – в основном, за того мальчишку, которым когда-то был, или не был, не важно, главное, помнил, что был. И как больше всего на свете хотел однажды запрыгнуть на проходящий поезд и уехать неизвестно куда, но так и не решился. Зато теперь – наконец-то да.

Стоял как дурак в одном сапоге, невольно морщился от прикосновения холодного металла к босой пятке – говорю же, некоторые наваждения бывают сокрушительно достоверны – смеялся, подставляя лицо тёплому весеннему ветру, и хотел только одного: чтобы эта поездка длилась и длилась, чтобы так было всегда.

Не знаю, сколько я на самом деле так ехал. Судя по тому, что руки, которыми я очень крепко держался за поручень, не начали ныть, не особенно долго, физически я не слишком выносливый человек. С другой стороны, наваждение есть наваждение. Возможно, способность в нём задержаться зависит не от мышечной силы, а только от силы желания, тогда рукам не от чего уставать.

Я восхищённо разглядывал неторопливо проплывающие мимо знакомые пустыри и развалины центра – вот уж не думал, что однажды доведётся полюбоваться ими с такого необычного ракурса. Потом поезд, не замедляя хода, пересёк Хурон – не по дну, но и не по самой поверхности, рельсы оказались проложены примерно на глубине полутора метров, так что я насквозь промок от поднявшихся брызг, но пока мы мчались через сонное Левобережье, высох, сам того не заметив, слишком быстро, на мой теперешний взгляд, но тогда мне это показалось нормальным – перестать быть мокрым, как только река осталась позади. Мне в тот момент вообще всё казалось нормальным – и мгновенно высохшая одежда, и необыкновенная протяжённость Левобережья, которое всё не кончалось и не кончалось, и причудливые очертания высоких зданий, каких отродясь не было в этом тихом сонном районе, застроенном утопающими в садах домами столичных богачей, и множество разноцветных маленьких лун, озарявших алое, как в Уандуке небо, и невесть откуда возникшую на горизонте горную гряду с заснеженными вершинами, и сам факт, что я повис на подножке поезда, приснившегося неведомо кому.

Впрочем, с какой-то точки зрения, это и правда было нормально. Вполне обычное сновидение, а что я оказался в нём наяву – так мне ли всерьёз полагать чем-то незыблемым границы между явью и сном. Леди Анна, однажды заполнившая наш город разноцветными ветрами, бесконечно сменяющими друг друга закатами и восхитительными наводнениями своих сновидений, раз и навсегда выбила из меня эту дурь. За одно это я перед нею в вечном долгу.

Однако во всём надо знать меру, даже в доверии к происходящим с тобой чудесам. Собственно, в первую очередь в доверии к чудесам: когда ты не их создатель, а только зритель, одна из второстепенных фигур на чужом игровом поле, следует помнить, что соблюдение твоих интересов не является непременным условием всякого чуда. Я имею в виду, в подавляющем большинстве случаев события будут развиваться, руководствуясь собственной внутренней логикой, а не твоими предпочтениями. Хотя это они, конечно, зря.

Я почему-то ждал, что поезд поведёт себя, как маршрутный трамвай: совершит положенный круг и, в конце концов, доставит меня обратно – туда, где я на него запрыгнул. После чего можно будет поблагодарить неизвестного сновидца за доставленное удовольствие и пойти домой. Но не тут-то было. Поезд есть поезд, его дело не кружить по городским окраинам, а мчаться вдаль. В такую невероятную даль, что звёздное небо осталось где-то внизу, под ногами, вернее, под колёсами паровоза, а над головой плещутся тёмные воды и носятся стаи призрачно-серых рыб, и звучит музыка, совсем простая танцевальная мелодия, фокстрот, или что-то вроде того, но об её звуки можно пораниться, как об осколки стекла, если не отвернуться, не спрятать лицо в прохладном пламени рук, недолго осталось терпеть, мы уже исчезаем – острая музыка, мои ледяные горящие руки, звёздное небо, серые рыбы, этот немыслимый поезд и всё, вообще всё.

Счастье, что исчезать мне совсем не нравится. Настолько не нравится, что иногда бывает трудно уснуть. Сейчас, хвала магистрам, такое случается редко, только когда я на взводе, а рядом, как назло, ни одного милосердного колдуна с запасом усыпляющих заклинаний, зато в юности это было серьёзной проблемой – как бы сильно я ни устал, всегда подолгу лежал в постели, ворочался с боку на бок, не закрывая глаз, почти бессознательно предпринимая усилие не исчезнуть, остаться, где есть, не утратить себя, не спать, не спать.

Никогда не знаешь, какой из твоих заскоков однажды окажется спасительным навыком, так что, наверное, лучше иметь их побольше, про запас. Вот и сейчас, почувствовав, что наваждение рассеивается – предположим, неизвестный сновидец неудачно перевернулся на другой бок и вот-вот проснётся от боли в неловко подвёрнутой руке, – я очнулся, мгновенно оценил ситуацию, собрался, сконцентрировался, приготовился открыть глаза в центре Ехо, неподалёку от разрушенных стен резиденции Ордена Дырявой Чаши и как ни в чём не бывало продолжить прогулку, но в самый последний момент передумал. Мне стало так жаль прекрасного поезда, его пассажиров с бокалами и газетами, весёлых паровозных гудков – как же это он возьмёт и бесследно исчезнет, не хочу, не позволю, не могу допустить! – что я покрепче вцепился в поручень и взял управление в свои руки: мысленно приказал поезду продолжать быть, паровозу гудеть, а шпалам и рельсам лежать там, где я их впервые увидел, среди синих и серебристых весенних трав одного из множества пустырей столицы Соединённого Королевства. Ага, есть, спасибо! Отлично, дорогой поезд, оставайся с нами, будь всегда. А теперь самое время замедлить ход, чтобы я не

расшибся, когда буду прыгать, тише, ещё тише, пожалуйста; ладно, чёрт с тобой, не хочешь, не тормози, спрыгну и так.

Я довольно легко отделался. Когда спрыгиваешь с подножки стремительно мчащегося поезда, не имея необходимых спортивных навыков, зато твёрдо рассчитывая на магию, которая на этот раз почему-то не сработала, одно разбитое колено и две ободранные ладони – совсем неплохой результат. Впрочем, в первый момент я не заметил ни царапин, ни ссадин. Сидел в траве, смотрел вслед стремительно удаляющемуся последнему вагону, думал: интересно, а теперь, без меня, он всё-таки исчезнет? Или выполнит мою просьбу, останется здесь навсегда? Было бы здорово разжиться поездом-призраком, таких развлечений у нас до сих пор не водилось. Толку от него никакого, одна бескорыстная радость, примерно как от стихов на небе; с другой стороны, когда есть радость, зачем ещё какой-то дополнительный толк?

От лирических размышлений меня отвлекла саднящая боль в ладонях; попытавшись встать, я обнаружил, что и с коленом не всё в порядке. Попытался ликвидировать боль, но не преуспел. Меня это не особо встревожило: знахарские умения я приобрёл совсем недавно, и ещё не отвык от естественных для всякого новичка неудач. Подумал: ладно, значит, придётся вернуться домой Тёмным Путём, не хромать же через весь город. Но ни с первой, ни со второй, ни даже с третьей попытки домой так и не попал. Остался стоять, где стоял, и вот тогда, конечно, – нет, даже не испугался. Просто оцепенел от полной невозможности происходящего. Только рыба, внезапно разучившаяся плавать, могла бы меня понять.

У нас принято считать, что нет ничего ужасней, чем утратить магические способности; лучше уж умереть молодым, зато на пике могущества, чем прозябать долгие годы беспомощной никчемностью – в этом убеждены практически все. И больше всего на свете боятся, что их однажды настигнет так называемый «Бич магов», своего рода болезнь, внезапно, без каких бы то ни было внешних причин лишающая чудесной колдовской силы; лекарства от этой напасти не существует, можно только ждать и надеяться, что способность колдовать однажды вернётся, как исчезла, сама. Обычно рано или поздно так и случается, но гарантий нет; по крайней мере, мне рассказывали о нескольких стариках, которые до сих пор не дождались возвращения магической силы. Такая горькая им почему-то досталась судьба.

Однако Бич магов, этот главный страх всякого нормального угуландского колдуна, сейчас казался мне наилучшим из возможных вариантов. Магические способности я уже, было дело, утрачивал, и они вернулись прежде, чем я успел всерьёз затосковать. Если на этот раз всё-таки не вернутся, будет очень обидно, но руки на себя точно не наложу. Благо у нас тут и без умения колдовать вполне можно устроить себе крайне интересную жизнь.

Гораздо хуже, если всё, что меня сейчас окружает – пустырь, развалины загородной резиденции Ордена Дырявой Чаши, голубой свет далёких придорожных фонарей – всего лишь достоверная имитация знакомого фрагмента реальности, а на самом деле ни города Ехо, ни наполняющего его магией Сердца Мира, ни самого Мира, ни моих близких для меня больше нет. Вот о чём я, холодея от лютой тоски и отчаяния, думал после неведомо какой по счёту неудачной попытки послать зов Шурфу, Сотофе, Джуффину, Нумминориху, Кофе, Базилио, Мелифаро, а потом уже всем знакомым подряд, всё равно кому, лишь бы хоть до одной живой души докричаться. Но внутри моей головы была полная тишина. Снаружи, собственно, тоже, но это как раз нормально – с чего бы кому-то шуметь ночью на пустыре.

Подняв глаза к затянутому сизыми тучами ночному небу, я увидел, что на нём нет никаких стихов, ни единой строчки, и это меня окончательно подкосило. Скверный знак.

У меня есть один проверенный способ справляться если не с внешними обстоятельствами, то по крайней мере с попавшим в эти обстоятельства собой: в любой паршивой ситуации делай что можешь, даже если можешь так мало, что это – почти ничего. А сейчас я мог как минимум добраться до Мохнатого дома. Убедиться, что он на месте, и его обитатели тоже; ну или всё-таки нет. И уже исходя из этого обстоятельства думать, что делать дальше. Или не думать, а огласить иллюзорные окрестности скорбным воем начинающего безумца – но только по результатам расследования. Не прямо сейчас.

Поэтому я отыскал свой валявшийся неподалёку сапог, или его точную копию; заодно убедился, что пока предавался отчаянию, от шпал и рельсов не осталось и следа. Обулся и, невольно кривясь от боли в разбитом колене, потопал в сторону Ворот Трёх Мостов, за которыми начинается Старый Город, или что там у нас нынче вместо него.

??*

– Ага, живой, – сказал сэр Шурф.

Выражение лица у моего друга было такое, словно он собирался собственноручно исправить этот досадный факт. В первый момент я ему даже почти поверил. В роли злодея, внезапно возникающего из тьмы на пути беззащитного странника, сэр Шурф Лонли-Локли чрезвычайно убедителен и по-своему неотразим.

Но чёрт бы с его выражением, видывал я и похуже. Какие только злодеи не возникали передо мной из тьмы. Главное, сейчас я не просто видел перед собой крайне недовольного сэра Шурфа, но и явственно ощущал его силу, как всегда ощущаю её рядом с могущественными людьми. Из чего следовало, что Шурф – настоящий; всё на свете можно сымитировать и подделать, но вот это живое присутствие мага – пожалуй, всё-таки нет.

Следовательно, самого худшего не случилось. А если даже случилось, я с этим худшим больше не один на один.

– Вот, получается, хорошо, что ты вечно всякую жуткую хренотень про меня выдумываешь, сам себе веришь и потом беспокоишься, – наконец сказал я. – Потому что иногда эта жуткая хренотень внезапно случается. И что бы я сейчас, интересно, делал, если бы ты ни о чём не беспокоился и не отправился меня искать? Хотя ясно, что – хромал бы дальше. Благо до Ворот Трёх Мостов отсюда уже совсем недалеко.

Сэр Шурф, надо отдать ему должное, мгновенно оценил ситуацию, убрал с лица угрожающее выражение, предназначенное то ли для пробуждения моей совести, то ли просто для собственного удовольствия. И человеческим, а не специальным великим магистерским голосом, призванным устрашать всё живое, спросил:

– А почему ты хромаешь?

– Потому что разбил колено и не могу его вылечить. Но это как раз ерунда. Гораздо хуже, что я больше не могу ходить Тёмным Путём. И послать зов тоже не могу. Раз сто, наверное, пытался – тебе и ещё куче народу, не преуспел, плюнул и пошёл домой пешком.

– То есть у тебя не получается использовать магию?

– Вот именно. Даже в пригоршню спрятать больше ничего не могу, а ведь фокус – проще не придумаешь. Специально несколько раз проверил – нет, даже эта ерунда не выходит. Из всего, что успел попробовать, вообще ни хрена.

– Ладно, ничего, с этим как-нибудь разберёмся, – с несвойственным ему оптимизмом пообещал Шурф. – Живой, и на том спасибо.

– А почему ты именно так ставишь вопрос? С чего бы мне внезапно перестать быть живым? – осторожно спросил я, заранее содрогаясь от перспективы услышать: «Ну так ты же двести лет назад сгинул, никто уже не верил, что вернёшься, один я как дурак до сих пор тебя ищу».

Теоретически, такое вполне возможно; собственно, возможно вообще всё, и это далеко не всегда хорошая новость. Примерно через раз. Но испугаться по-настоящему я не успел, потому что Шурф сказал:

– Тебя больше суток не было в Мире. И, похоже, вообще нигде. И ощущение от твоего следа нам не понравилось. Слишком зыбкое, ненадёжное – не знаю, как ещё можно объяснить. И сосредоточиться на нём даже с моей подготовкой было довольно трудно; сэр Джуффин примерно то же самое говорил. Как будто сама реальность никак не могла определиться, существуешь ты, или всё-таки нет. Пройти за тобой по этому следу не смогла даже леди Сотофа. Сказала, некуда идти. И Тёмный Путь никого из нас к тебе не привёл…

Что он ещё говорил, я толком не слушал, охваченный ликованием: всего какие-то несчастные сутки меня не было в Мире, а вовсе не двести лет! Впору разрыдаться от облегчения. Я, конечно, не разрыдался, но боюсь, не в силу какой-то особой душевной стойкости, а только потому, что просто заплакать – слишком мало для выражения настолько сильных чувств. Зато в обморок хлопнуться – в самый раз.

Впрочем, до настоящего обморока всё-таки не дошло, я только осел на землю, не в силах устоять на размякших ватных ногах.

– Ладно. Сутки это всего лишь сутки. Повезло, – наконец сказал я и только тогда обнаружил, что сижу не на земле, а на диване в башне Мохнатого дома. Запоздало удивился: – Как это ты так ловко меня сюда притащил? Я даже не заметил.

– Не беда, – сказал Шурф каким-то смутно знакомым и одновременно непривычным в его исполнении ласковым тоном. – Там и замечать-то было особо нечего. Я тебя одним мысленным шагом сюда привёл. Та же самая техника, которую мы используем, чтобы уйти Тёмным Путём, даже не приподнявшись со стула, просто надо вообразить, что идёшь не один, а вдвоём. Я рад, что у нас получилось: так легко провести Тёмным Путём можно только опытного колдуна. Значит, все твои способности и умения по-прежнему при тебе, по крайней мере, потенциально… А ты понимаешь, где мы сейчас находимся? Обстановку узнаёшь?

– Да было бы что узнавать. Это же мой кабинет.

– Очень хорошо.

До меня наконец дошло, что это за ласковый тон. Так обычно знахари разговаривают с особо тяжёлыми пациентами. Спросил прямо:

– Я что, пахну безумием?

– Хвала магистрам, не пахнешь, – ответил мой друг. – Но выглядишь, прямо скажем, не очень. Как будто все минувшие сутки при смерти пролежал.

– Да вроде бы не при смерти, а на поезде. И не лежал, а катался. Причём, по моим ощущениям, это продолжалось не сутки, а максимум полчаса.

– На чём ты катался?

– На поезде. Это такое транспортное средство… Даже не знаю, как его описать, чтобы было понятно, хоть рисуй. Но, кстати, ты вполне мог видеть поезда в кино, когда я притащил телевизор на улицу Старых Монеток. Такие… ну как бы невысокие длинные узкие домики, которые быстро едут по рельсам. То есть по специально проложенному для них пути. Может быть помнишь?

– Кажется, припоминаю нечто похожее, – нахмурился мой друг. – Но не уверен, что мы говорим об одном и том же. Столько лет с тех пор прошло, столько всего случилось. А после того, как все эти удивительные приборы исчезли из твоего бывшего дома, воспоминания о кино стали понемногу стираться из моей памяти, как с возрастом забываются детские сны; остальные, кстати, ещё меньше помнят, я специально расспрашивал. Впрочем, сейчас важно не это. Сможешь рассказать, что с тобой случилось? С самого начала, по порядку.

– Когда это я рассказывал по порядку? – невольно улыбнулся я. – Но ладно, попробую. Если выпить нальёшь. Причём тебе для этого даже никуда ходить не придётся. На ближайшей к окну полке за книгами стоит бутылка укумбийского бомборокки. При условии, что в моё отсутствие её никто не отыскал и не лишил сокровенного смысла. Я уже давно не проверял.

– Я отыскал, – честно признался мой друг. – Причём ещё зимой. Но сокровенного смысла, как ты выражаешься, не лишил. А просто внимательно наблюдал за её судьбой. Мне было интересно, вспомнишь ли ты о своих запасах, и если да, то при каких обстоятельствах. Теперь я знаю ответ.

– На самом деле я и не забывал. Специально хранил для какого-нибудь торжественного случая. Всё-таки редкость – тридцатилетнее капитанское бомборокки, не индюк чихнул. Но если я хоть что-нибудь понимаю в торжественных случаях, сейчас у нас именно он.

Шурф покачал головой – укоризненно и одновременно одобрительно. Как у него это получается, никогда не пойму. Достал припрятанную бутылку, жестом фокусника извлёк откуда-то – не то из-под стола, не то из собственного рукава, не то просто из окружающего космоса – небольшие глиняные стаканы. Почему-то целых три.

– Третий для сэра Джуффина, – объяснил он в ответ на мой вопросительный взгляд. – Извини, что я пригласил его сюда, не спросив разрешения. Но не

сообщить ему о твоём возвращении было бы как минимум неразумно с моей стороны. Сам знаешь, сэр Джуффин человек гораздо более опытный и сведущий, чем я. И тоже был, скажем так, недостаточно сильно обрадован твоим внезапным исчезновением.

«Недостаточно сильно обрадован» – это, конечно, вся правда про сэра Джуффина Халли. Подумаешь, исчез человек на какие-то несчастные сутки и тут же сам объявился. Ему бы задачу посложней.

Однако Джуффин выглядел вполне удовлетворённым сложностью текущей задачи. По крайней мере, когда он возник на пороге моего кабинета, глаза его полыхали азартным огнём, который обычно охватывает шефа Тайного Сыска в исключительно дрянных ситуациях. Причём за долгие годы совместной работы я наблюдал столь высокую интенсивность горения хорошо если дюжину раз.

С одной стороны, я порадовался за Джуффина: в нынешние спокойные времена ему нечасто выпадают достойные развлечения. А с другой – запоздало испугался за себя. Это что же за лютый ужас со мной приключился, если Джуффину до такой степени интересно? Неужели настолько полный трындец?

Не поздоровавшись, Джуффин шагнул ко мне, посмотрел в глаза так пытливо и яростно, словно намеревался вызнать тайные девичьи фамилии вселившихся в меня демонов, а потом испепелить всю компанию вместе с их новым жильём. Одним прикосновением, если не вовсе взглядом поднял меня с дивана, положил на затылок тяжёлую руку, раскалённую, будто он только что вытащил её из костра, другой стремительно ощупал остальное тело и только после этого приветливо улыбнулся. Усадил меня обратно, взял из рук Шурфа стакан с бомборокки, выпил залпом и наконец сказал:

– Хорошая ночь, сэр Макс. Рад, что с тобой всё в порядке. Извини за бесцеремонность. Мне было необходимо убедиться, что ты – это именно ты. И при этом в достаточной степени жив, чтобы продолжать вносить некоторое разнообразие в наше размеренное существование. Прими мои поздравления, ответ по обоим пунктам – «да».

– А что, были какие-то сомнения?

– Как видишь, были. Но больше их нет. Не принимай к сердцу. Давно мог бы привыкнуть, что я всегда допускаю любые варианты развития событий, включая самые нежелательные. Собственно, начиная с них. А ты ещё так красиво выступил. Знатно всем нам нервы потрепал! Даже Сотофа сразу же заявила, что ничего о тебе не знает, призвать или хотя бы указать направление поисков не может, и предчувствий на твой счёт у неё нет, ни дурных, ни добрых, а это вообще ни в какие ворота. Чтобы Сотофа всем сердцем хотела помочь, но не смогла, такого на моей памяти ещё не было. Твои следы то исчезали, то снова появлялись, но при этом не вели никуда. А пытаясь послать тебе зов, мы все явственно ощущали, что ты жив и даже вроде бы присутствуешь в Мире, просто то ли лежишь без сознания, то ли слишком крепко уснул в каком-то неведомом месте, куда нам не добраться. Была у нас рабочая версия, что ты, вдохновившись примером Древних, внезапно решил поспать на Тёмной Стороне и посмотреть, что из этого выйдет. Но на Тёмной Стороне тебя не было; по крайней мере, мы с Сотофой ничего даже отдалённо похожего на тебя там не нашли.

– Всё-таки вы все здорово меня переоцениваете, – вздохнул я. – Да я от одной мысли о том, что иногда случается с уснувшими на Тёмной Стороне, холодею. Не настолько мне жизнь надоела. Она мне вообще ни насколько не надоела, собственно говоря.

– Со стороны это не особо заметно, – язвительно вставил сэр Шурф.

– Да ладно тебе, – отмахнулся я. – Можно подумать, я нарочно всё это устроил. Вот прямо целыми днями хожу, ищу, где тут смертельные опасности всем желающим бесплатно раздают…

– А разве нет?

Джуффин прекратил бессмысленный спор, который мы с переменным успехом ведём чуть ли не с первого дня знакомства, потребовав:

– Давай, рассказывай, что случилось.

– По порядку, – с нескрываемым злорадством добавил Шурф и протянул мне стакан с бомборокки. Из чего я сделал вывод, что сердце у него всё-таки есть.

От бомборокки я предсказуемо расслабился и не то чтобы действительно развеселился, но обрёл былую способность более-менее убедительно это изображать. Улыбнулся своим дознавателям и сказал:

– Угодить на допрос к вам обоим одновременно – вершина карьеры для любого государственного преступника. А я всего-навсего без билета на поезде прокатился. Даже неловко как-то. Не заслужил.

Эти двое зыркнули на меня так, что я почти всерьёз испугался: сейчас поколотят. И принялся подробно рассказывать, как шёл мимо руин резиденции Ордена Дырявой Чаши, замечтался, споткнулся, ушибся, сел лечить ногу, услышал шум приближающегося поезда, и всё, что было потом.

На самом деле, совсем короткий вышел у меня рассказ. Всего-то событий – вскочил на подножку и ехал, восхищённо глазея по сторонам на всякое неописуемое, пока не пришла пора исчезать.

– Я сперва решил смыться подобру-поздорову, – заключил я. – Ну то есть перестать смотреть этот чужой сон и пойти по своим делам. Скорее всего, так бы и вышло, но в самый последний момент я передумал. Жалко стало, что такое отличное наваждение рассеется без следа, и больше никто никогда его не увидит. Поэтому я усилием воли вернул поезд на тот пустырь и попросил его остаться у нас навсегда. А уже потом спрыгнул, как с настоящего; он собственно и был в тот момент настоящим. Вряд ли я бы взаправду расшибся, прыгая с поезда, который просто кому-то снится. Причём даже не мне самому!

– Ну на самом деле ещё и не такое случается, – заметил Джуффин. – Смотря в чьё сновидение попадёшь. Помнишь, тебе самому однажды приснилось, что подрался с капитаном Фуфлосом, а бедняга проснулся в своей постели избитым до полусмерти, со сломанной ногой? А ведь наяву ты его пальцем не трогал. Так что знаешь, на твоём месте я бы давно перестал гадать, что настоящее, а что не очень. Всё, что с тобой происходит, и есть настоящее. Всё!

Я только горько вздохнул, потому что уже раз сто от него что-то подобное слышал. И столько же раз соглашался – что тут возразишь. Но одно дело разделять эту концепцию теоретически, и совсем другое – понять и принять её всем своим существом.

А Шурф спросил:

– Но зачем тебе понадобился этот поезд? Почему ты попросил его остаться навсегда? Какой в этом смысл?

В кои-то веки он выглядел совершенно растерянным. Как, страшно сказать, нормальный человеческий человек перед лицом непостижимой загадки. Что, на самом деле, довольно странно. Какая из меня, к лешим, загадка. Обычно Шурф понимает меня даже лучше, чем я сам себя.

– Да примерно затем же, зачем тебе однажды понадобилась салфетка, на которой весь вечер что-то писал и тут же зачёркивал подвыпивший Киба Кимар, – объяснил я. – Помнишь? Он её сжёг, а ты тайком собрал пепел, вернул его в прежнее состояние и даже каракули расшифровал. И сам потом говорил мне, что из уважения к воле автора следовало бы оставить всё как есть, но иногда бывает совершенно невыносимо смириться с тем, что нечто прекрасное исчезло навсегда. Мы тогда ещё договорились до того, что у некоторых людей есть инстинкт сохранения прекрасного, примерно такой же сильный, как инстинкт самосохранения, потому что для них прекрасное – это и есть сама жизнь.

Шурф нетерпеливо кивнул – дескать, помню, и что с того? Зато Джуффин уставился на меня с недоверчивым интересом. Видимо, попытался примерить образ возвышенного интеллектуала, самозабвенно рассуждающего о прекрасном, на того меня, которого знал все эти годы. И не преуспел.

– Так вот, – заключил я, – у меня, получается, тоже есть этот инстинкт. Просто представления о прекрасном – ну, вот такие. В тот момент поезд казался мне самой восхитительной штукой на свете. Сам толком не понимаю, чем он меня так приворожил.

В ответ на это чистосердечное признание Джуффин положил передо мной явно заранее заготовленный лист дорогой плотной бумаги с неровно обрезанными краями. А Шурф, порывшись в карманах своей магистерской мантии, выдал мне огрызок карандаша.

– Ты обмолвился, что можешь нарисовать, как выглядит очаровавшее тебя транспортное средство, – сказал он. – Вот и нарисуй. Трудно обсуждать предмет,

о котором мы с сэром Джуффином пока не имеем никакого представления.

– Но я не говорил, что могу его нарисовать! – запротестовал я. – «Хоть рисуй» – это было не обещание, а просто выражение сожаления, что я не знаю, как описать поезд словами. На самом деле мой рисунок только ещё больше вас обоих запутает. Я уже хрен знает сколько не…

Но Шурф был неумолим.

– Постарайся, пожалуйста. Никто не ждёт от тебя шедевра. Любое мало-мальски правдоподобное изображение сойдёт.

– Это очень важно, – добавил Джуффин. – Мы должны знать, как выглядит наваждение. Как минимум, чтобы безошибочно опознать, когда оно снова появится в Ехо.

– А с чего ты взял, будто оно снова появится? – удивился я. – Думаешь, моей просьбы достаточно? Я, если что, ничего специально не делал. Не колдовал. Если и есть какие-то заклинания, позволяющие овеществить и закрепить наваждение, я их не знаю. Никто меня такому не учил.

– Ну а на что, как по-твоему, ушли все твои силы? – спросил Шурф. – Уж точно не на лечение ушибленной ноги.

– Ушли все силы, – повторил я. – То есть я поэтому больше не могу колдовать? Угрохал все силы разом на этот грешный призрачный поезд? И теперь он у нас есть? Будет всегда туда-сюда по пустырю мотаться? То есть, думаешь, у меня получилось? Класс.

– Получилось или нет, это нам ещё только предстоит выяснить, – заметил Джуффин. – Угрохать все силы далеко не всегда непременно означает добиться своего. Чаще как раз бывает наоборот: маг потому и теряет всю силу разом, что её оказалось недостаточно для осуществления задуманного. Но шанс, что твои усилия увенчались успехом, разумеется, есть.

– Было бы здорово.

– Возможно, – пожал плечами Джуффин. – Хотя лично я не в восторге от такой перспективы. Я сам люблю всякие интересные наваждения – пока они остаются где-нибудь в Красной пустыне Хмиро, или на сумрачных берегах Кирваори. А в Сердце Мира им, на мой взгляд, не место. Мы тут и без дополнительных наваждений совсем неплохо живём. Но если уж наваждение у нас всё равно завелось, не спросив моего разрешения, лучше заранее знать его в лицо. Так что давай рисуй. В награду я готов накормить тебя пирогом, или что там у меня сегодня на ужин. Сейчас, собственно, выясним.

С этими словами сэр Джуффин Халли исчез. И почти сразу же снова появился, я даже начать рисовать не успел. В одной руке у него было блюдо, на котором возлежал кеттарийский слоёный пирог, в другой – относительно небольшой котёл с какой-то густой жидкостью, благоухающей столь прельстительно, что я чуть ума не лишился.

– Всё-таки у Кимпы изумительное чутьё, – сказал Джуффин. – Вроде бы знал с моих же слов, что гостей я сегодня не жду, да и сам вернусь хорошо если под утро. А еды всё равно наготовил чуть ли не вчетверо больше, чем надо мне одному. И так всегда, сколько он у меня служит. На моей памяти ещё ни разу не было, чтобы он не угадал.

– Более того, судя по тому, что в котле не просто суп, а «Шайтохское дымное варево», ваш дворецкий предвидел, что вам придётся обойтись без надлежащей сервировки, – заметил Шурф. И объяснил мне: – «Шайтохское дымное варево» традиционно считается охотничьим блюдом, поэтому, согласно правилам этикета, его не едят ложками из тарелок, а поочерёдно отхлёбывают прямо из котла. Правда и готовить «Шайтохское дымное варево» следует не на кухонной плите, а на сложенном из слегка отсыревших дров костре, дым которого – один из важнейших ингредиентов. Поэтому в городских трактирах это блюдо обычно не подают. Но зная господина Кимпу, не сомневаюсь, что он не поленился развести костёр в саду.

– Да он его и так почти каждый вечер разводит, – пожал плечами Джуффин. – Не ради супа, а просто для удовольствия. Говорит, костёр напоминает ему о детстве, когда с отцом на охоту ходил. Собственно, правильно делает. Многие люди, сами того не осознавая, черпают силу в подобных вещах. Я имею в виду, когда человек достаточно глубоко погружается в счастливые воспоминания детства, он на короткое время становится весёлым, любопытным и энергичным, как в те времена. И потом возвращается в сегодняшний день обновлённым и

посвежевшим. Настоящая магия, хоть и не считается таковой.

– Это «дымное варево» пахнет так, что душу за него продать можно, – вздохнул я, только сейчас ощутив, как сильно успел проголодаться. Буквально до темноты – не столько в глазах, сколько в животе.

– Так дёшево ты не отделаешься, – усмехнулся шеф Тайного Сыска. – Зачем мне какая-то подозрительная душа, о существовании которой я знаю исключительно с твоих слов? Я обещал тебе еду в обмен на рисунок, так что давай, работай. Не тяни, а то сами всё съедим.

– Утратив магические способности, я был вынужден рисовать за еду, – продекламировал я, уверенно начертив первую, безобразно кривую линию. – Это, если что, начало моих будущих мемуаров. В один прекрасный день я состарюсь и тогда обязательно их напишу. И выведу на чистую воду вас, злодеев, замучивших бедного сироту непосильным творческим трудом.

– Да выводи на здоровье, – отмахнулся Джуффин. И с неожиданной сердечностью добавил: – Ты главное как-нибудь доживи до этого дня.

– Если не надорвусь от работы и не помру на месте от стыда за её результат, обязательно доживу, – ухмыльнулся я, пририсовывая к вагонам колёса. – Всю жизнь мечтал написать мемуары, а для этого непременно нужна спокойная старость, раньше не стоит и начинать… Какой-то я всё-таки недостаточно гениальный художник, с такими задатками карьеру не сделаешь. Так что придётся, пожалуй, магические способности заново отрастить. Что, кстати, для этого надо делать? Только не говори, что просто сидеть и ждать.

– Тем не менее подождать придётся, – сказал Джуффин. – Строго говоря, сама по себе твоя способность колдовать никуда не делась. Просто сил ею воспользоваться у тебя сейчас нет.

– Странно. Без сил, по идее, пластом лежат. А я сейчас вполне неплохо себя чувствую. Только голова слегка кружится, но скорее приятно, как будто я наконец-то выздоровел после долгой болезни…

– Примерно так и есть, – усмехнулся Джуффин. – Только не выздоровел, а воскрес.

Хорошо всё-таки, что он решил меня не кормить, пока не нарисую поезд. Будь у меня сейчас во рту пирог, я бы непременно подавился. А так легко отделался – просто выронил карандаш. И спросил:

– Почему вдруг именно «воскрес»? Для этого сперва умереть надо. А я, вроде бы, не умирал.

– То-то и оно что «вроде бы»… Ладно, положим, умереть ты, хвала магистрам, не умер. Но между жизнью и смертью болтался довольно долго, это неопровержимый для меня факт. Был бы здесь Нумминорих, сказал бы, что ты пахнешь смертью; я не нюхач, но на некоторые запахи мой нос неплохо натренирован. Так что и без него то же самое могу тебе сказать.

– Я пахну, как труп?!

– Да, но только с точки зрения нюхача и хищного зверя. Кошки с собаками, возможно, первое время будут от тебя шарахаться, ты уж на них не серчай. Ничего, за пару дней этот запах окончательно выветрится, особенно если будешь спать с открытыми окнами. А ты в любом случае будешь, ты даже зимой вечно устраиваешь сквозняк. Не понимаю пока, чьей именно смертью ты пропах, своей, или того сновидца, которому пригрезился поезд. Скорее, конечно, второе. Но всё равно ты прогулялся по самому краю. Извини, если порчу тебе настроение, но такие вещи о себе лучше знать.

– То есть я пропах смертью человека, которому приснился поезд? Это вообще как? Ты сам говорил, что когда человек умирает, исчезают и его сновидения. А если он жив, какой может быть запах смерти? Рано ещё пахнуть.

– Сам знаешь, иногда люди умирают во сне. И это последнее сновидение может стать чем-то гораздо большим, чем просто сон. Я сам не раз становился свидетелем рождения недолговечных, но очень ярких, достоверных реальностей из таких вот снов. Так уж мне повезло: мой учитель Махи Аинти был большим любителем наблюдать рождение новых миров буквально из ничего – из человеческих грёз, не осуществившихся потаённых желаний, отчаяния умирающего тела и могущества последнего выдоха. И меня приохотил к этим

фантастическим зрелищам. Иногда Махи успевал дотянуться до умирающего и продлить его жизнь, а вместе с ней – существование новорожденного Мира. Но такие удачи даже для выдающегося мастера вроде него огромная редкость. Обычно всё, что мы могли сделать, – вовремя унести свои задницы, чтобы не разделить судьбу реальности, исчезающей вместе со своим почти невольным творцом. Ты, кстати, тоже вполне мог так исчезнуть. К тому явно шло.

– Ты об этом когда-то рассказывал, – вспомнил я. – Реальность, где сидел в плену Лойсо Пондохва, вроде бы, родилась из подобного сна. Но мой поезд – это всего лишь поезд. Просто средство передвижения, не целый отдельный мир.

– А места, по которым он ехал? По твоему описанию как-то непохоже, что тебя прокатили по столичным окраинам и окрестным лесам.

– Да, пожалуй, – согласился я. И, подумав, добавил: – Но это было больше похоже на хаос обычного бесконтрольно протекающего сновидения, чем на какую-то иную реальность. Сумбурная каша из гор, небоскрёбов, звёзд и прозрачных сияющих рыб. С другой стороны, что я знаю о других реальностях? Весь мой опыт даже не капля в море, а часть этой капли. Несущественно малая часть.

– То-то и оно, – кивнул Джуффин. – Ну и потом, сны умирающих всё-таки довольно редко порождают целые миры. Махи говорил, что гораздо чаще они становятся просто видениями, миражами, наваждениями, которые только и могут – промелькнуть перед чьим-нибудь взором и исчезнуть прежде, чем случайный свидетель ущипнёт себя, чтобы привести в чувство. Но ты всегда был везучим. Вот и поймал чужую грёзу за хвост. И возможно, подарил новую жизнь – то ли самому сновидцу, то ли только его сновидению. А может, и не подарил. Растратить все силы далеко не всегда означает добиться успеха… впрочем, это я уже говорил. Чтобы разобраться, чем дело кончилось, мне надо увидеть этот поезд самому. Ну или наоборот, убедиться, что он больше не появляется. Поэтому давай сюда твой рисунок, должен же я хоть примерно представлять, что именно разыскивать. И не смотри на меня с таким отчаянием. Я не в Королевскую галерею картины отбираю. И вообще отродясь не был строгим критиком. Любую работу приму.

– Просто я ещё пассажиров в окнах не дорисовал, – объяснил я, подбирая с пола оброненный карандаш. – Люди – это очень важная деталь. Так отлично они там за окнами выпивали и целовались, что я захотел стать одним из них.

– А то тебе дома не наливают, – укоризненно сказал Джуффин.

– Наливают, – согласился я. – А вот целуют недостаточно активно. Но это, сам понимаешь, не к тебе лично претензии. А к мирозданию в целом.

– Не уверен, что ты обрадуешься, если мироздание полезет к тебе целоваться, – усмехнулся шеф. – Впрочем, может, тебе именно этого и не хватает для полного счастья? С тобой никогда не угадаешь.

– Головы оторванной ему не хватает для полного счастья, – заметил сэр Шурф, всё это время молча слушавший Джуффина и мрачневший с каждым его словом.

Ну, это обычное дело: Шурфу чрезвычайно не нравится, что такая ценная штука как моя жизнь находится в настолько ненадёжных руках. Мне, собственно, тоже не особенно это нравится. Но технически невозможно поручить кому-нибудь другому аккуратно и бережно за меня её проживать.

В общем, я его понимаю, поэтому даже не попытался прикинуться рассерженным, а с неприсущей мне обычно кротостью попросил:

– Давай не сегодня. Я уже утратил магические способности и последнюю надежду на карьеру художника, а ты предлагаешь ещё и без головы меня оставить. Слишком много потерь для одного дня.

– Ладно, как скажешь, – флегматично согласился мой друг. И помолчав, добавил: – Я осознаю, что довольно нелепо себя веду. Сержусь на тебя, словно ты нарочно всё это устроил. Хотя ясно, что нет. Просто регулярно влипать в опасные истории – твоё естественное свойство. Такой этап становления мага; иначе, кажется, и не бывает. Я, собственно, сам долгое время таким был…

– На твоём месте, сэр Шурф я бы не стал употреблять прошедшее время, – заметил Джуффин. – Преждевременный оптимизм! Если за последние четыре дюжины дней ты ни разу сдуру не влип в какую-нибудь опасную историю, это вовсе не означает, будто всё уже позади.

– Ну всё-таки я, как правило, сознательно и взвешенно принимаю решения, во что ввязываться, а во что нет, – сухо возразил тот.

– Да, случается с тобой и такое, – миролюбиво согласился Джуффин. – Примерно в одном случае из шести.

С этими словами он отобрал у меня рисунок, который я всё это время тщетно пытался довести до ума, и вручил мне благоухающий котёл.

– Уже, по-моему, не настолько горячий, чтобы без остужающего заклинания не удержать. Но ты всё равно будь осторожен. Причём не только сейчас, но и в ближайшем будущем. Когда меня в своё время настиг Бич Магов, самой большой опасностью оказались даже не многочисленные враги, которые были рады меня прикончить, а обычные бытовые травмы. Внезапно утратив способность колдовать, вдруг обнаруживаешь, что огонь обжигает, лезвие ранит, под водой невозможно дышать, а от зимнего ветра можно не просто озябнуть, но и свалиться с какой-нибудь лихорадкой. Первое время я вечно ходил весь в ссадинах и ожогах. И постоянно чихал. Не повторяй моих ошибок. И самое главное, не выйди однажды по привычке из окна. Рассеянность в твоём положении может слишком дорого обойтись.

На этом месте сэр Шурф натурально схватился за голову. То есть технически он, конечно, остался сидеть, как сидел, но мысленно за неё явно схватился. И теперь, можно спорить, спешно просчитывал варианты: что лучше – запереть меня в одном из подвалов Иафаха? Или просто уменьшить и носить в пригоршне, вытряхивая только чтобы покормить? Или сговориться с комендантом Холоми, чтобы снова взял меня под стражу до лучших времён? И самое главное, как убедить меня добровольно на всё это согласиться? Последний вопрос делал задачу заведомо нерешаемой. И он сам это понимал.

Я поспешил его успокоить.

– Привычки выходить в окна у меня, хвала магистрам, до сих пор нет. И холодным оружием я на досуге не особо размахиваю. Даже в кухню практически не захожу, а других опасных мест в доме вроде бы нет. Так что как-нибудь выживу, – пообещал я. И наконец отхлебнул вожделенного «дымного варева». И закусил пирогом.

Что плохо в устройстве моего организма: до меня довольно медленно доходит суть произошедшего. Что ещё хуже: рано или поздно до меня всё-таки доходит.

То есть беспечным жизнерадостным идиотом не особо долго удаётся побыть.

Вот и сейчас, пока я истреблял принесённую Джуффином еду, мой ум продолжал обрабатывать полученную информацию в привычном ему неторопливом режиме. И когда он закончил, я содрогнулся. Положил на стол недоеденный кусок пирога и сказал:

– Какой ужас.

– Разве ужас? – удивился Джуффин. – По-моему, нормально пирог пропечён.

– Пирог отличный. Ужас – всё остальное.

– А, – обрадовался шеф. – Это ты наконец-то начал осознавать, что произошло? А я как раз сижу, гадаю, почему ты такой спокойный. То ли так рад, что всё остальное не имеет значения, то ли настолько ослаб, что не до переживаний, то ли просто удачно выпендриваешься, разыгрывая невозмутимость…

– Хотел бы я уметь так выпендриваться, – честно сказал я. – Но пока даже пробовать не возьмусь. Рад-то я рад, конечно. Особенно тому, что не двести лет тут у вас без меня прошло, а всего сутки. Не пропустил собственную жизнь! И вы оба мне, скорей всего, не мерещитесь. По крайней мере, ваше присутствие ощущается вполне убедительно, как я привык. А уж если вы настоящие, то и вся остальная реальность тоже, в этом смысле на любого из вас даже поодиночке можно положиться. А уж сразу на двоих…

– Погоди, а у тебя были сомнения в подлинности происходящего? – оживился Джуффин. – А что именно показалось тебе подозрительным? Что с реальностью стало не так?

Всё-таки привычка допускать любые варианты развития событий, включая самые нежелательные, – сущее спасение для шефа Тайного Сыска. Я имею в виду, помогает ему не свихнуться от скуки в невыносимой обстановке общественного благополучия и гражданского мира, когда на скорый апокалипсис даже у самых пессимистичных пророков не осталось ни малейшей надежды.

Но на этот раз мне пришлось его разочаровать.

– Да всё в порядке с реальностью. Просто когда я не смог никому послать зов, решил, что на самом деле никуда пока не вернулся, и знакомый пустырь только выглядит, как знакомый пустырь. Не сразу сообразил, что проблема во мне. С этим почему-то очень трудно внутренне согласиться. Умом понимаю, что это вполне обычное дело – лишиться магических способностей, чуть ли не с каждым такое хоть раз, да случалось, Но сомнения всё равно закрадываются, даже сейчас. Что это за реальность такая подозрительная, в которой я не могу колдовать? На моей памяти в Лабиринте Мёнина так было. И в Тихом Городе. В общем, нет у меня доверия к подобным местам.

– С таким опытом, как у тебя, и правда, впору спятить, утратив могущество, – неожиданно согласился Шурф. – На самом деле, с учётом обстоятельств, ты удивительно стойко держишься. Не уверен, что сам на твоём месте смог бы так.

– Это не стойкость, к сожалению, – вздохнул я. – Это называется: «нет сил заорать». И хвала магистрам, что нет. А то вы на своём веку истерик не видели. Зачем вам ещё одна? Потому что ужас кромешный, конечно. Что это вообще было? Куда меня занесло? Ещё и смертью чьей-то пропах, только этого не хватало для полного счастья. И как я теперь буду без магии? На хрена я тогда нужен? Вам обоим – ладно, допустим, в качестве сувенира. Но ни этому Миру, ни самому себе – точно нет.

– Ну, значит, какое-то время побудешь нужным только нам с сэром Шурфом. Это гораздо лучше, чем совсем никому, – пожал плечами Джуффин. И ехидно добавил: – У меня в гостиной как раз есть специальная полка для сувениров. Пока совершенно пустая. Затоскуешь без дела, приходи на ней посидеть.

А Шурф сказал:

– Ты вспомни, как в прошлый раз было. Вернулись твои магические способности меньше, чем за дюжину дней, ты и сам не заметил. Только не вздумай сейчас говорить, будто дюжина дней – это целая вечность. Нет, не вечность. Гораздо меньше, поверь, я неоднократно считал.

– Да не вечность, конечно, – неохотно согласился я. И ещё более неохотно признался: – На самом деле, меня сейчас другое волнует. Я тут с вами как-то незаметно наклюкался и наелся. И теперь зверски хочу спать. Но боюсь засыпать – а вдруг меня во сне унесёт туда… ну, обратно. В этот грешный погибельный

поезд, который… Ну в общем, не важно. На самом деле туда, наверное, даже при большом желании невозможно вернуться. Но мне всё равно страшно засыпать.

– На этот счёт не беспокойся, – отмахнулся Джуффин. – Мы тебя сейчас одного не оставим, даже если будешь умолять. Мы с сэром Шурфом люди хозяйственные. Если уж обрели утраченное сокровище, будем его сторожить, как два злобных фэтана. Тем более бомборокки ещё почти полбутылки осталось. Грех уходить, не допив.

– То есть я буду спать, а вы – меня караулить? – изумился я. – Что, правда?

– Ну а почему нет? Мы даже в опере до конца спектакля способны высидеть, если для дела надо, а с тобой ещё проще, ты во сне не поёшь, – усмехнулся Джуффин. – А когда совсем заскучаем, посмотрим, что с тобой на самом деле случилось. Лично я сгораю от нетерпения. Но усыпить тебя, не накормив, было бы свинством, а этот фокус, сам знаешь, только со спящим человеком получается провернуть.

– Посмотрите, что на самом деле случилось? – растерянно переспросил я. Но уже и сам сообразил, что он имеет в виду.

Это и правда не то чтобы сложно, по крайней мере, для опытного колдуна. Сперва учишься узнавать прошлое вещей, то есть наблюдать события, случившиеся в помещении, где находился выбранный для допроса предмет, а потом оказывается, что ровно то же самое можно проделать с живым человеком. Дождись, пока он заснёт, и вперёд, выясняй, что душе угодно. Вернее, на что у тебя хватит могущества, всё-таки человек – активно сопротивляющийся материал. Но насчёт Джуффина можно особо не беспокоиться, он с кем угодно справится. В смысле, разговорит и увидит, что ему надо. И со мной у него этот номер уже получался неоднократно. Когда-то шеф тащил меня ночевать к себе домой после всякого мало-мальски значительного происшествия, а наутро неизменно оказывалось, что он осведомлён о моих похождениях куда лучше, чем я сам.

– Ну и чего ты смотришь зверем? – укоризненно спросил Джуффин. – Сам должен понимать, мы не из праздного любопытства собираемся вызнавать подробности. А только для того, чтобы защитить – тебя и весь город, если вдруг выяснится, что есть от чего.

– Да вызнавайте на здоровье, – вздохнул я. – Зверя, которым я на тебя смотрю, сейчас другое интересует: на кой было заставлять меня рисовать этот грешный поезд?

– Чтобы продать картину на аукционе и заработать кучу денег, – ухмыльнулся шеф. – На долгое и приятное лечение нервов в куманских притонах, мы с сэром Шурфом честно его заслужили… Эй, ты что поверил? Нет, правда поверил?

– Да кто ж тебя знает, – буркнул я. – Ты хитрый. Никогда не угадаешь, что у тебя на уме. Рисунок-то вы из меня действительно вытрясли. И теперь я не понимаю, зачем.

– Просто любая кропотливая работа отвлекает и успокаивает, – объяснил Шурф. – Особенно непривычная, которую делаешь не каждый день. С тем же успехом мы могли бы усадить тебя вышивать, но было бы довольно непросто придумать, зачем это нужно. А рисунок понятно, зачем.

– Ну и потом, твой рисунок действительно может понадобиться, – добавил Джуффин. – Если вдруг объявятся новые свидетели этого – как его?…

– Поезда.

– Да. В общем, если кто-нибудь увидит в городе нечто похожее и не сможет объяснить, что это было, лучше иметь под рукой хотя бы примерное изображение. Не беспокойся, я не выдам твоё авторство, если это тебя тревожит. Но хоть убей, не понимаю, почему ты считаешь свой рисунок настолько плохим.

– Просто поверь на слово, он ужасный. Не передаёт даже сотой доли впечатления. Так нельзя.

– Но на оригинал хоть немного похож?

– Похож, – неохотно согласился я. – То есть опознать поезд по этому изображению можно. А больше ничего от него и не требуется, ты совершенно прав.

– Если тебя так угнетает собственное несовершенство, ты можешь брать частные уроки рисования и повышать мастерство, – совершенно серьёзно заметил сэр Шурф.

В чьих угодно устах это сейчас прозвучало бы как издевательство. Но с Шурфом я знаком уже много лет. И совершенно точно знаю: когда он настолько не вовремя говорит такие абсурдные вещи, он не издевается. Он правда так думает. И сам на моём месте именно так бы и поступил.

??*

Утром – ну то есть не факт, что именно утром, с уверенностью можно утверждать только, что было светло, – я проснулся у себя в спальне. Причём один. Из чего даже спросонок смог сделать вывод, что дела мои пошли на лад – если уж Джуффин с Шурфом бросили меня без присмотра. Ну или наоборот, всё настолько ужасно, что проще махнуть рукой и отправиться завтракать, нет смысла время терять.

Эй, ты чего? – спросил я себя. – Что значит – «нет смысла время терять»? Это же Шурф. И Джуффин. Не какие-то левые дяди. Я знаю их много лет. Будь что не так, они бы меня ни за что не бросили. Небось с того света волоком бы приволокли – хоть зомби, хоть призраком, хоть голодным духом, а оставайся с нами, шоу маст гоу он. Благо оба любят задачи повышенной сложности. И меня, как живое воплощение этих задач. И не умеют сдаваться. В общем, с такими друзьями врагов не надо – в смысле, хрен спокойно в своей постели помрёшь.

Однако факт остаётся фактом: эти любители сложных задач пресытились созерцанием моего спящего тела и смылись. И даже записки не оставили. Хотя, между прочим, могли бы сообразить, что человеку, лишённому возможности воспользоваться Безмолвной речью, будет приятно, проснувшись, прочитать: «С тобой всё в порядке, подробности позже, приходи туда-то в таком-то часу». Или наоборот: «Никуда не уходи, сиди дома, мы скоро вернёмся». Всё равно что, лишь бы не гадать, как теперь жить и где их искать.

Ай, ну да, – вспомнил я, – записки же считаются плохой приметой. Жители столицы Соединённого Королевства верят, что если один человек оставит другому записку, они больше не встретятся. Записка, что бы в ней ни было написано – это прощание навсегда. Причём даже мне очевидно, откуда эта

примета взялась. В обществе, где все владеют Безмолвной речью и могут побеседовать друг с другом, когда пожелают, записка по умолчанию означает: «Я больше не хочу с тобой говорить». То есть записка – не мистическая причина расставания, а просто способ достаточно деликатно о нём объявить.

Ну молодцы ребята, – сердито подумал я. – Взрослые образованные люди, могущественные колдуны. Они что, получается, верят в приметы? Правильный ответ: охренеть.

С другой стороны, их можно понять. Я и без всяких плохих примет исчезаю несколько чаще, чем следовало бы, так что лучше уж переусердствовать с осторожностью. Кто со мной связался, тот спокойно не спит, – насмешливо думал я, засовывая руку под подушку, просто на всякий случай – а вдруг получится? Но никакого «вдруга» не вышло. В смысле, я не смог достать из щели между Мирами утренний кофе. Стыд и позор. Бедный я.

Буквально пары минут хватило убедиться, что я действительно бедный. То есть совершенно беспомощный. Кофе – ладно, невелико горе, обойдусь без него, но послать зов кому-нибудь из домашних и потребовать камры я тоже не мог. И мгновенно переместиться Тёмным Путём сперва в кухню за завтраком, а потом на крышу Мохнатого Дома, где люблю сидеть по утрам, теперь не получится. Только пешком, по лестнице. Ну или просто забить, – мрачно думал я, поднимаясь с постели. – Хорошо хоть до ванной недалеко. Вполне можно дойти ногами, даже такими ватными и негнущимися, которые зачем-то сейчас растут из меня.

Я уже забыл, что бывают такие тяжёлые утра. А ведь когда-то почти каждое пробуждение давалось мне нелегко. Хорошо, что эти времена давным-давно миновали, плохо, что они вернулись опять, – меланхолично думал я, лёжа в бассейне, наполненном тёплой ароматной водой, от которой, теоретически, следовало бы получать колоссальное удовольствие. Но я даже умеренного не получал. Где я, и где удовольствия. Что они такое вообще?

Больше всего меня сейчас бесила невозможность воспользоваться Безмолвной речью. Вроде бы всегда недолюбливал этот способ связи, потому что освоил его не в младенчестве, как все местные уроженцы, а уже взрослым, то есть Безмолвная речь для меня примерно как с горем пополам выученный

иностранный язык. Но сейчас, утратив её, я заново осознал, какая же это прекрасная, удобная штука – в любой момент можно с кем угодно договориться о встрече, узнать, как дела, задать вопрос, или просто поболтать, если соскучился, а возможности встретиться вот прямо сейчас нет. А теперь, получается, придётся топать пешком в Дом у Моста в надежде, что Джуффин окажется на месте. А если нет, то сидеть и ждать.

А с Шурфом вообще никаких шансов, пока сам не придёт. Потому что пробиваться к нему через толпу вышколенных младших магистров Ордена Семилистника, охраняющих общественную приёмную, в смысле, Явный вход в Иафах, развлечение, скажем так, на любителя. А я сегодня – совершенно точно не он.

Чем больше я обо всём этом думал, тем сильнее портилось настроение. Ничего на свете так не бесит, как собственная беспомощность, особенно если давным-давно от неё отвык. Поэтому в гостиную я вошёл, как говорят, в таких случаях, мрачнее тучи. Хотя вряд ли тучи нагрешили на такое сравнение. Даже несущие град.

Хорошо, конечно, что Джуффин заранее предупредил меня о запахе смерти, который отпугивает зверей. Поэтому когда при моём появлении кошки пулей выскочили из гостиной, а Друппи вместо того, чтобы по заведённому обычаю лезть обниматься, испуганно попятился в самый дальний угол и уселся там, поскуливая, как побитый щенок, я, конечно, всё равно огорчился, но, по крайней мере, понимал причины их поведения. Настроения это, мягко говоря, не улучшило, зато я ни на кого не рассердился. Что в моём случае уже грандиозный успех.

Базилио, увлечённо малевавшая какие-то ужасающие чертежи на огромном обеденном столе, хвала магистрам, никуда не сбежала. И даже жалобно скулить не стала, очень мило с её стороны. Но так настороженно подобралась при моём появлении, что, честное слово, лучше бы уж выскочила в окно. Оно и понятно, всё-таки Базилио только с виду человек, симпатичная юная леди с рыжими косичками, а на самом деле – чудовище. Химера, одушевлённая иллюзия, неожиданный результат случайного колдовства. В каком-то смысле вполне себе зверь.

Но ладно, по крайней мере, с Базилио можно поговорить человеческим голосом. То есть поговорить-то можно с кем угодно, хоть с табуреткой, не вопрос, но когда разговариваешь с Базилио, есть все основания надеяться, что собеседник тебя поймёт. И даже внятно ответит что-то разумное, если, конечно, реветь в три ручья, как это у неё в обычае, не начнёт.

– Всё не так плохо, как можно подумать, – сказал я, усаживаясь за заваленный чертежами стол. – Если тебе показалось, будто я покойник, так это скоро пройдёт. Не веришь, спроси сэра Джуффина, он в подобных вопросах крупный эксперт. Причём я до такой степени не покойник, что хочу жрать. И камры. Лучше бы не домашней, но ладно, какая есть, такая и сойдёт. Попроси поваров что-нибудь принести, пожалуйста. Я быстро позавтракаю и уйду.

– А почему мне должно было показаться, будто ты покойник? – удивилась Базилио.

Значит, на её счёт я ошибся. Чудовище это всё-таки не зверь. По крайней мере, нос у Базилио вполне человеческий. И это ей крупно повезло.

– Попал в неприятную переделку, – объяснил я. – Чужой смертью пропах. Сам ничего такого не ощущаю, но Джуффин сказал, звери будут какое-то время от меня шарахаться. И, как видишь, был прав. А ты так на меня посмотрела, что я подумал, ты тоже этот запах почуяла. Хорошо, если нет.

Друппи, внимательно слушавший меня из своего угла, на словах «попал в переделку» коротко, но жалобно взвыл. Вроде много лет его знаю, а всё не привыкну, что этот лохматый балбес прекрасно понимает не только специальные собачьи команды, которые как раз обычно игнорирует, но и всю остальную человеческую речь.

– Спасибо за сочувствие, – поблагодарил я собаку. – И не переживай насчёт запаха, он быстро выветрится. Сэр Джуффин сказал, буквально за пару дней.

На этом месте Друппи взвыл ещё более жалобно. Для него «пара дней» – такая же вечность, как для меня сотня лет.

– Ничего такого я не учуяла, – наконец сказала Базилио. – Я без всякого запаха испугалась. Самой теперь стыдно, что такая трусиха. Просто ещё никогда в

жизни не видела тебя таким.

– Каким – «таким»?

– Не знаю, как объяснить, – нахмурилась она. – Чужим? Неприятным? Нет, эти слова не подходят. Просто раньше, когда ты приходил, от этого становилось радостно, даже если ты сам в этот момент на кого-нибудь злился, или был усталый, или горевал. А сегодня – никакой радости. Наоборот, сразу такая тоска, что мне захотелось уйти. Всё равно куда, лишь бы тебя там не было… Ой. Извини, пожалуйста. Я как-то не сообразила, что это, наверное, очень обидно звучит.

– Да нормально звучит, – вздохнул я. – Хорошо, что ты честно сказала. Когда такая хренотень творится, полезно знать, как это выглядит со стороны. Почему радость ушла, как раз понятно – она же, строго говоря, была не столько от меня самого, сколько от магии. Сам люблю постоять возле какого-нибудь могущественного колдуна, это как зимой на солнце погреться. И рядом со мной всем было так же хорошо. А теперь я утратил способность колдовать.

Базилио тихо ахнула и хотела схватиться руками за голову, но промазала, получился нелепый хлопок в ладоши, как будто она решила встретить новость аплодисментами. Когда тело не своё, а наколдованное, сильное волнение это выдаёт.

– Не навсегда, – поспешно сказал я. – Скорее всего, через несколько дней всё наладится. Буду как новенький. Настроение у меня пока, сама понимаешь, не то чтобы замечательное. Но объективно, ничего страшного не произошло.

– Если наладится, тогда ладно, – обрадовалась Базилио. – И главное, теперь понятно, почему от твоего настроения хочется на край Мира сбежать. Я же, представляешь, сперва решила, это вообще кто-то другой тобой притворился. Например грабитель. Или какой-нибудь твой старинный враг. Говорят, изменить внешность довольно легко. Поэтому я испугалась. Подумала, вдруг этот враг нас с Друппи убьёт или превратит во что-нибудь жуткое, чтобы тебе отомстить? Сидела и думала: ну я и дура, надо было не математику первым делом учить, а магию. Смогла бы тогда нас всех защитить.

– Получается, даже хорошо, что ты пока боевой магии не научилась, – невольно улыбнулся я. – А то осталась бы от меня кучка пепла, сама бы потом небось весь день ревела…

– Я бы целую тысячу дней ревела, если бы с тобой такое случилось! – горячо заверила меня Базилио. И рассудительно добавила: – Но вообще-то магия бывает разная. Я имею в виду, не обязательно вот прямо сразу всех вокруг испепелять.

– Не обязательно, – согласился я. – Но поначалу часто именно так получается. Самую опасную боевую магию новички обычно осваивают в первую очередь, убивать почему-то легче всего. Тот же Смертный Шар – совсем простой фокус. Я когда-то чуть ли не с первой попытки научился. И до кучи нечаянно обзавёлся ядовитой слюной – убивай не хочу, ни в чём себе не отказывай. И кроме этого долгое время почти ничего не умел.

– Но ты же не убиваешь всех подряд, не разобравшись? – с надеждой спросила Базилио.

Похоже, она впервые всерьёз задалась вопросом, как я провожу время за порогом Мохнатого Дома. И чем таким интересным зарабатываю на нашу общую развесёлую жизнь. Что, на самом деле, понятно. Базилио, конечно, выглядит, как почти взрослая барышня и математические задачки повышенной сложности щёлкает как орехи, но не следует забывать, что на свет она появилась всего полтора года назад, причём не младенцем, а говорящим чудовищем с уже сложившимся добродушным характером и живым ненасытным умом. Когда рождаешься не обычным способом, а вследствие чужого колдовства, ещё и не такие парадоксы случаются. Но знаний об устройстве окружающего мира всё равно набираешься постепенно и поначалу мало что о нём понимаешь, будь ты хоть трижды волшебное существо.

Поэтому я не стал ни смеяться, ни тем более обижаться, а серьёзно ответил:

– Я обычно, даже разобравшись, никого не убиваю. Живые люди мне нравятся гораздо больше, чем мёртвые: они тёплые, шевелятся и рассказывают разные интересные вещи. А мёртвые просто уныло лежат.

Видимо, в награду за пропаганду гуманизма среди молодёжи жизнь моя незамедлительно начала налаживаться. Повар принёс кружку вполне сносной камры и творожные блины, до смешного похожие на сырники моего детства, только больше их раза в четыре, – ну так на то и Магический Мир, чтобы сбывались мечты. Друппи мужественно покинул укрытие, подошёл, умостил на моих коленях свою мохнатую башку, подождал, пока я его поглажу и даже после этого не убежал на край Мира, жалобно завывая, а неторопливо отступил. А Базилио объявила:

– Сэр Джуффин прислал мне зов. И велел передать тебе, что ещё часа два будет запугивать какого-то Тари Умхаллу; не знаю, кто этот человек, и зачем его надо запугивать, но сэру Джуффину, наверное, видней…

– О, этого красавца давным-давно пора запугать, – заверил её я. – Он шантажист, причём, можно сказать, бескорыстный. Кучу людей держит в страхе, не требуя ни денег, ни каких-то услуг, просто ради удовольствия иметь над ними тайную власть. Формально его и осудить-то не за что, но сэр Кофа давно за ним наблюдает и, видимо, наконец-то нашёл, к чему прикопаться. В общем, отличная новость, я этому рад.

– Ну тогда хорошо, – кивнула Базилио. – А ещё сэр Джуффин просил тебе передать, что примерно через два часа будет ждать тебя в Доме у Моста. Странно, конечно, что он сам тебе это не сказал. Вы же не поссорились, правда?

– Если бы мы поссорились, я бы здесь уже не сидел, – мрачно хмыкнул я. И сразу пожалел о сказанном: Базилио считает сэра Джуффина Халли добрейшей души человеком, и вряд ли следует вот так грубо лишать её этой приятной иллюзии. Поэтому я поспешно добавил: – Делать нам больше нечего – ссориться. Просто как бы, интересно, он мне сказал, если я утратил магические способности?

– А при чём тут ма… – начала было Базилио, но и сама уже сообразила. – Ой, так Безмолвная речь – тоже магия? – изумилась она.

– Ещё какая магия. Забыла уже, как сама ей училась?

– Почти забыла, – смущённо улыбнулась она. И, помолчав, добавила: – Я стараюсь не очень-то вспоминать, как всё было в самом начале, когда я выглядела… не как человек. Сразу начинает казаться, что я гораздо хуже всех

остальных. Что бы ни делала и как бы ни старалась, а всё равно родилась чудовищем, и этого уже не исправишь. Жалко, что нельзя совсем об этом забыть.

– Так наоборот же! – воскликнул я. – Ты не хуже, а в сто раз круче. Люди – ну просто люди. Ничего выдающегося. Нас тут много таких. Все рождаются примерно одинаковыми, и надо очень здорово постараться, чтобы кем-нибудь необыкновенным стать. А тебе и стараться не надо, ты – с самого начала удивительное волшебное существо. Хвастаться этим на всех углах, конечно, не стоит, потому что остальным станет завидно и обидно, а тебе среди нас ещё жить. Но самой-то лучше понимать, что чудовище, которое выглядит как девчонка, – это ужасно круто. Ты – волшебное существо с удивительной судьбой.

– Ну надо же! – просияла Базилио. – Умеешь ты всё перевернуть с ног на голову! Тебе для этого, получается, даже не обязательно колдовать.

В этот момент дверь распахнулась, и в гостиную вошёл молодой человек в бело-голубом лоохи Ордена Семилистника. Вид у него был такой потерянный, что Базилио сразу спросила:

– У вас что-то случилось? Надо помочь?

Она – добрая душа.

Друппи, в общем, тоже добрая душа, но сейчас он внезапно вспомнил, что собакам положено охранять свою территорию и условно грозно сказал: «Гав».

Молодой человек в орденской униформе явственно побледнел, но не дрогнул. То есть дрогнуть-то он, конечно, дрогнул, но, по крайней мере, не сбежал. Даже шагу назад не сделал. Что, по моим меркам, приравнивается к настоящему подвигу: когда видишь Друппи впервые, он производит довольно сильное впечатление. Всё-таки овчарки Пустых Земель очень крупные собаки. И встречаются, мягко говоря, не на каждом углу. Строго говоря, Друппи пока вообще единственный представитель этой породы в столице Соединённого Королевства. То есть привыкнуть заранее – никаких шансов. Поэтому, когда мохнатая гора размером примерно в полтора человека начинает на тебя лаять, сохранять безмятежность довольно непросто. Я бы сам, пожалуй, в штаны

наложил.

– Ты нас всех натурально спас, дружище. Спасибо, – сказал я собаке. – А теперь оставь человека в покое, очень тебя прошу.

Друппи, который явно намеревался развлечься по полной программе, включая пылкие объятия с незнакомцем на полу, разочарованно взмахнул ушами и снова улёгся на ковёр, всем своим видом показывая: «день не задался».

Наш гость наконец-то собрался с духом, придал лицу настолько суровое выражение, насколько это возможно в присутствии разъярённого пса-людоеда, и объявил:

– Я – Реди Талла, Младший магистр Ордена Семилистника, Благостного и Единственного. Имею честь передать вам распоряжение Великого Магистра незамедлительно прибыть в Иафах для конфиденциального разбирательства по делу государственной важности. Мне велено вас туда сопроводить… – на этом месте он явственно втянул голову в плечи, вероятно, приготовившись к тому, что сейчас в него полетит как минимум табуретка, но скорее всё-таки Смертный Шар, и поспешно добавил: – Разумеется, не для контроля за вашим передвижением, а исключительно ради вашего удобства.

Что сэр Шурф Лонли-Локли умеет лучше всех в Мире, так это поднять мне настроение. Превратить приглашение выпить с ним камры в захватывающую общественно-политическую драму – это действительно надо уметь.

– Ради моего удобства – это, что ли, в амобилере до ворот резиденции подвезти? – уточнил я.

– Именно так, – трагическим голосом подтвердил Младший магистр Реди Шталла.

Бедняге, конечно, не позавидуешь. Могу представить, какой лютый армагеддон бушевал сейчас в его голове. Начальство, мать его за ногу, окончательно разругалось с Тайным Сыском и затеяло какое-то разбирательство, наверняка у него ещё со старых времён мешки компромата на сэра Халли и всех остальных, страшно подумать, что теперь будет, так и до гражданской войны недалеко; интересно, этот сэр Макс понимает, что я – всего лишь скромный посыльный, с

которым нет смысла сражаться, можно просто прогнать, если что-то не нравится? Или он всё-таки оторвёт мне голову, чтобы наглядно продемонстрировать своё отношение к распоряжению Великого Магистра? Он же, говорят, бешеный. И собака не лучше. А девчонка, рассказывают, умеет превращаться в страшное чудище, вдруг она сейчас кааааак… – примерно такие мысли отображались на бледном челе орденского посланца. Но, справедливости ради, держался он очень неплохо. Боялся, но делал, что должно. Наш человек.

– Ну раз так, поехали, – кивнул я. – Чего тянуть.

О единственной реально нависшей над ним опасности орденский посланец так и не узнал. Я имею в виду, что когда я по воле судьбы-затейницы оказываюсь на пассажирском сиденье амобилера, передвигающегося по городу со скоростью, вряд ли превышающей двадцать миль в час, во мне просыпается жестокий маньяк-убийца, всё остальное время мирно дремлющий на самых дальних задворках моего сложносочинённого существа. И начинает изобретать страшные пытки и казни, которым следовало бы подвергнуть возницу, потому что – ну а чего он первый? В смысле, зачем истязает меня?

Я, конечно, не даю воли внутреннему маньяку, а просто беру рычаг амобилера в свои руки и еду, по моим меркам, довольно медленно и осторожно; никогда не пойму, почему некоторые с непривычки вопят. И сейчас, собственно, мог бы: амобилер, хвала Магистрам, работает на специальных магических кристаллах, которые у него вместо топлива, так что вознице не обязательно быть колдуном. Но я пожалел своего конвоира. Хватит с него на сегодня потрясений. Пусть едет спокойно, не отбиваясь от разбушевавшегося меня.

Поэтому до Иафаха мы добирались чуть ли не полчаса. Я бы за это время, пожалуй, пешком дошёл. Но ладно, – думал я, озирая окрестности, – будем считать, это у меня обзорная экскурсия по Старому Городу. Самое время, весна, сады зацветают. Когда, если не сейчас.

Однако как я ни старался получить удовольствие, вышло наоборот: от медленной езды у меня снова испортилось настроение. Хуже того, мне стало скучно, а это уже ни в какие ворота. С момента возвращения в Ехо я скучал только несколько дней в тюрьме Холоми, когда меня там заперли, чтобы выспался. Но на то и тюрьма, чтобы испытывать невыносимые страдания. А

сейчас-то чего?

Тем не менее факт остаётся фактом – я смотрел на знакомые улицы и вместо того, чтобы сладко погибать от любви к этому прекрасному городу, как у меня заведено, думал сердито: ещё и поехали самой неинтересной дорогой, я почти каждый день здесь хожу. Налюбовался на тысячу лет вперёд, спасибо, можете унести. Сам, конечно, дурак, сижу сиднем в Ехо, как будто кроме этого города в Мире ничего нет. Съездить куда-нибудь, что ли? Всё равно толку от меня сейчас никакого, так хоть на новые места погляжу. Правда путешествовать без магии то ещё удовольствие. Ни тебе утреннего кофе из Щели между Мирами, ни удобной кровати, даже новостей не узнать. И домой Тёмным Путём не прыгнешь обратно на пару часов повидаться с друзьями, чтобы после этого снова продолжить путь. А если какие-нибудь лесные разбойники вылезут из пещеры, чтобы показать мне кузькину мать, придётся очень внимательно эту мать разглядывать за неимением других вариантов. Без колдовства мне в дороге точно трындец.

Ну, по крайней мере, душераздирающие сцены последней битвы с лесными разбойниками, услужливо нарисованные моим буйным воображением, скрасили мне остаток дороги. Развлекли, но настроения не улучшили. Всё-таки хуже самой беспомощности может быть только ясное понимание, до какой степени ты беспомощен. А до меня как раз окончательно дошло.

??*

Мне ещё пришлось минут десять просидеть в пустом кабинете Шурфа наедине всё с теми же унылыми мыслями. Поэтому, когда он не просто вошёл, а ворвался, как ветер, в распахнутое окно, с виду спокойный и строгий, но переполненный бесшабашной весёлой силой, которая ещё недавно казалась мне просто нормой – а как иначе-то? – я чуть не помер на месте от зависти, чувства, настолько мне прежде не свойственного, что легче поверить, будто сошёл с ума, чем признать, что действительно его испытываешь. Но у меня такие номера не проходят, я привык быть честным с собой.

– Ну и настроение у тебя! – изумлённо сказал мой друг, поставив передо мной кружку лучшей в мире камры, которую можно получить только у его личного повара и больше нигде во Вселенной. – Я был уверен, что мой посланец с распоряжением тебя насмешит. Но получается, ошибался. Ты что, рассердился?

Всерьёз?

– Да, это было бы круто, – невольно улыбнулся я. – Но нет. Не настолько я псих. Я, к сожалению, вообще ни насколько не псих. Совершенно нормальный человек, скучный и неприятный, как все нормальные люди. Представляешь, смотрю на тебя, и мне завидно, что ты – великий колдун, а я – больше нет.

– Вот такая страшная тебе досталась судьба. Обречён прозябать в ничтожестве бесконечно долгие пару дней, – флегматично согласилось это чудовище, по какому-то недоразумению родившееся человеком. Сэр Шурф Лонли-Локли – такая же вопиющая ошибка природы, как Базилио. Только наоборот.

– На самом деле ты совершенно напрасно преувеличиваешь масштабы своих временных затруднений, – добавил он. – Если не из уважения к здравому смыслу, с которым у тебя сложные отношения, то хотя бы просто ради моего удовольствия поверь: эта проблема – вообще не проблема по сравнению с тем, чего ты, по словам сэра Джуффина, избежал.

– Ещё какая проблема, – упрямо сказал я. – Всего пару часов назад проснулся, а уже сам себе до смерти надоел. Ты бы от полной неспособности даже зов кому-то послать тоже на стенку полез, спорим на что угодно… хотя нет, не надо нам спорить. Давай мы лучше просто никогда не узнаем, как ты поведёшь себя в подобной ситуации. Не будем ставить такие зверские эксперименты ещё и на тебе.

– Настоящего злобного завистника из тебя не получилось, – заметил мой друг. – Полный провал, сэр Макс.

– Ещё и тут полный провал, – усмехнулся я. – День явно не задался. Но твой посланец меня утешил. Насильственное препровождение в Иафах для конфиденциального разбирательства по делу государственной важности способно украсить самый неудачный день. А как он на Друппи смотрел, когда тот залаял! И явно прикидывал, испепелю я его прямо сейчас, или уже в амобилере, чтобы дома зря не сорить. Но всё равно стойко держался, такой молодец. Небось напьётся сегодня до беспамятства – собственно именно ради беспамятства и напьётся. И его можно понять.

– Это не называется «стойко держался», если ты заметил его волнение, – строго сказал сэр Шурф, и глаза его полыхнули адским педагогическим огнём, сулящим горемычному Младшему магистру дополнительные часы дыхательных упражнений. Многие сотни дополнительных часов.

– Ну так просто меня этой вашей хвалёной стойкостью не проведёшь. Я даже твоё волнение всегда замечаю, – напомнил я. – Так что не особо придирайся к человеку. Программу-минимум он точно выполнил: от собаки не убежал. И со мной говорил вежливо, но не заискивал, хотя добра от этого разговора явно не ждал. И амобилером управлял нормально… то есть, конечно, совершенно ужасно он управлял, ехали со скоростью нетрезвого пешехода, я чуть не рехнулся от скуки, но неторопливость обычно свидетельствует о самообладании. И в рычагах парень не путался. И руки у него не тряслись.

– Ещё чего не хватало, – возмутился сэр Шурф. – Трясущиеся от волнения руки я бы и послушнику не спустил.

Однако педагогические тучи, сгустившиеся было над головой горемычного посланца, явственно начали рассеиваться. И хорошо. Бедняга не виноват, что я так чутко улавливаю чужое настроение. Думал, кстати, это тоже из-за магии, но получается, всё-таки нет.

– В общем, спасибо тебе за этот нелепый арест, – сказал я. – Смешно получилось. И главное, вовремя… ну, почти. С утра я на вас с Джуффином совершенно всерьёз рассердился, что ушли, не оставив записки. Потом вспомнил, что записка считается плохой приметой, и рассердился заново, что вы верите в такую ерунду. А кстати, действительно верите? Или просто не сообразили, что можно написать?…

– «Не сообразили» – это, конечно, блестящая версия, – язвительно заметил мой друг. – Куда уж нам.

– А верить в дурацкие приметы, значит, нормально?

– Совершенно нормально, – невозмутимо подтвердил он. – Особенно для людей, которые многократно наблюдали, как вздорная примета становится чем-то гораздо большим, когда в неё поверит достаточно много народу. Причём, что занятно, именно от количества всё зависит. В какой-то момент набирается

критическая масса поверивших, и глупая примета, три тысячи лет назад придуманная невежественными крестьянами, становится чуть ли не новым законом природы. Поэтому в особо серьёзных случаях имеет смысл согласовывать свои действия и с приметами тоже. Осторожность не повредит.

– Ну надо же, – удивился я. – То есть тысяча дураков, объединившись, может победить здравый смысл?

– Справедливости ради, тысячи обычно недостаточно, – педантично заметил сэр Шурф. – Эффект, по моим прикидкам, наступает примерно после десяти-пятнадцати тысяч поверивших; впрочем, эти цифры требуют уточнения. Насколько я знаю, специальных исследований никто пока не проводил.

– Ладно, пусть десять тысяч дураков. Всё равно удивительно. Мне даже в голову не приходило, что такое может быть. А почему тогда не работает… ну, например, примета, что нельзя брать деньги голыми руками, чтобы не лишиться способности любить? Я лично знаю нескольких человек, которые ленятся надевать перчатки, рассчитываясь, и ничего, влюбляются потом как миленькие. Даже несколько чаще, чем велит здравый смысл.

– А я знаю людей, для которых эта примета сбылась, – пожал плечами сэр Шурф. – Но и таких, о ком ты рассказываешь, тоже неоднократно встречал. И это нормально: все люди разные. Даже классические заклинания не у всех одинаково работают, что уж говорить о суевериях. К тому же любой мало-мальски опытный маг может легко оградить себя от пагубного воздействия чужих убеждений и верований – при условии, что будет предпринимать для этого сознательные усилия, а не пустит дело на самотёк.

– Значит, и вы могли бы…

– Да, конечно, могли. Но предпочли перестраховаться и лишний раз не дразнить судьбу. Ты и без всяких примет регулярно влипаешь в какие-то дикие истории. Куда ещё записки тебе оставлять.

– На самом деле, я примерно так и подумал. Но при этом всё равно сердился, что вы ушли, даже не оставив записки. Вот это мне больше всего не нравится…

– Я и сам не хотел оставлять тебя одного. Но сэр Джуффин заверил, что ты в полной безопасности, а он человек опытный, неразумно было бы ему не доверять. Я бы предпочёл всё равно оставаться рядом с тобой, пока не проснёшься, но пока мы тебя искали, столько дел накопилось, словно я не какие-то сутки, а с самой зимы в Иафах не заходил. К тому же орденские девчонки, воспользовавшись моим отсутствием, написали на предрассветном небе новое стихотворение Тойвы Шураты, который в этом сезоне внезапно стал модным столичным поэтом; теоретически, я понимаю причины его популярности среди молодёжи и даже готов согласиться, что его стихи отчасти полезны, поскольку могут пробудить интерес к литературе как таковой. Но на небе его стихам всё же не место. Это такое резкое снижение уровня, что, можно сказать, позор.

– Правда? – заинтересовался я.

И даже специально привстал, чтобы выглянуть в окно, потому что не имел ни малейшего представления о стихах Тойвы Шураты. И на небо сегодня ни разу глаза не поднял; совсем, получается, плохи мои дела. Но всё равно интересно, как именно выглядит «позор» по мнению сэра Шурфа, который не имеет привычки преувеличивать и попусту бросаться словами. Что-то воистину грандиозное там должно быть.

Прочитал только первую строчку: «Дали и горы, и долы смятенны, но вдохновенны», – решил, что испытаний на мою долю сегодня вполне достаточно, и повернулся к Шурфу, чтобы сочувственно подтвердить: «Да, действительно ужас кромешный». Но, к счастью, не успел ничего сказать.

– Не думаешь же ты, что я позволил этому вопиющему безобразию так долго оставаться на месте, – укоризненно заметил мой друг. – Если тебе интересно, что пишет Тойва Шурата, спроси его книжку в любой книжной лавке, я в своей библиотеке такого не держу. А в небе сейчас первая строфа старинной анонимной поэмы «О печали и ликовании». Можешь не притворяться, будто тебе понравилось, я догадываюсь, что это не так. И не стану тебя упрекать: эта грешная поэма вообще никому, кроме меня, не нравится, да и мне только потому, что я способен проследить её влияние на развитие жанра в целом и опознать её отдельные отголоски в творчестве поэтов следующих эпох. Но, по крайней мере, она считается уникальным памятником древней угуландской литературы и безусловной культурной ценностью, поэтому моей репутации эксперта ущерба не нанесёт… – на этом месте Шурф задумчиво умолк и вдруг признался: – Положа руку на сердце, я написал в небе фрагмент этой поэмы

только потому, что очень рассердился на любительниц стихов Тойвы Шураты; собственно, на всех его поклонников, принесших ему незаслуженную популярность. И нашёл этически приемлемый способ всех разом наказать. Ради этого я и ушёл, не дождавшись, пока ты проснёшься; неотложные орденские дела – формальное оправдание. Сэр Джуффин заверил меня, что ты в полной безопасности, и я помчался спасать своё доброе имя, пока не проснулись остальные знатоки и ценители угуландской поэзии. Такова настоящая причина моей отлучки. Прости.

Чего я только не перевидал за долгие годы дружбы с сэром Шурфом, но сценами чистосердечного раскаяния он меня до сих пор особо не баловал. Поэтому я совершенно растерялся. Наконец сказал:

– Да ладно тебе. Ушёл, и правильно сделал. Какой смысл сидеть возле спящего, которого не надо ни лечить, ни защищать?

– Но ты сам сказал, тебе в этой истории больше всего не нравится, что мы с сэром Джуффином ушли.

– Нет, что ты. Вовсе не это. Я просто не успел договорить. У меня не к вам, а к себе претензии. Мне не нравится, как я поутру спросонок думал о вас обоих…

– Вот это точно невелико горе, – отмахнулся мой друг. – Я и сам иногда думаю о тебе в выражениях, которые даже в юности, когда не считал нужным щадить чужие чувства, вряд ли счёл бы уместным высказать вслух. Во всяком случае, не на трезвую голову. Не вижу в этом ничего страшного. Подобные мысли – не показатель настоящего отношения к человеку, а просто естественное проявление беспокойной природы ума. Пока они не влияют на наши решения и поступки, нет смысла себя за них укорять.

– Дело не в выражениях. А в том, что я при этом чувствовал. Такую, знаешь, холодную равнодушную неприязнь, как к наёмным работникам, которых давным-давно пора гнать взашей за наплевательское отношение к обязанностям. Ну, правда, это недолго продолжалось, почти сразу опомнился. Но потом, уже по дороге сюда я с точно такой же равнодушной неприязнью смотрел по сторонам и думал: да сколько можно, вечно одни и те же улицы, почти каждый день здесь хожу, надоело, уехать, что ли? Засиделся я здесь, и совершенно зря. То есть в Ехо я, видите ли, засиделся. Надоело мне здесь, прикинь. Внезапно, в самый

разгар весны. Ещё вчера ходил по городу, натурально держась за сердце, погибал от всей этой красоты, и вдруг…

– Позавчера, – поправил меня Шурф.

– Что?

– Позавчера ты ходил, держась за сердце. А потом сутки отсутствовал неведомо где, – педантично объяснил он. – Это, разумеется, не имеет принципиального значения, просто я, сам знаешь, не выношу неточности.

Мне бы сейчас твои проблемы, – сердито подумал я. Но вслух ничего не сказал, конечно. Потому что и сам понимал, что, во-первых, глупость подумал. А во-вторых, она, к сожалению, и так огромными буквами написана у меня на лице.

Но Шурф великодушно игнорировал эту надпись.

– На самом деле, не имеет особого значения, что именно ты сейчас думаешь и чувствуешь, – сказал он. – Человек по-настоящему проявляется, когда он в силе, на пике доступного ему могущества. А в слабости люди мало похожи на настоящих себя. Впрочем, ты-то как раз превосходно справляешься…

– Что?! – изумлённо перебил его я. – Вот эта унылая, раздражительная, всем вокруг недовольная хренотень, в которую я стремительно превращаюсь, теперь называется «превосходно справляюсь»?

– Ещё бы, – подтвердил мой друг. – Внезапно утратить могущество – само по себе катастрофа, а для опытных магов, проблема ещё и в том, что мы привыкли практически непрерывно находиться на пике своей формы. Собственно, в этом и заключается главное преимущество мага. Оно гораздо важней, чем любая практическая польза, которую можно извлечь из колдовства. Вот чего ты на самом деле лишился: естественного доступа к вдохновенному состоянию, которое привык считать повседневной нормой. На возвышенный образ мыслей и любовь ко всему, что на глаза попадётся у тебя сейчас элементарно нет сил.

– То есть, если вычесть из меня магию, в остатке получается унылое никчёмное существо, – мрачно подытожил я.

– Если тебе по какой-то непостижимой причине нравится говорить о себе в оскорбительных выражениях, можешь продолжать в том же духе, – пожал плечами Шурф. – Я давно смирился с тем, что дружба с тобой обрекает время от времени выслушивать невыносимо абсурдные утверждения, и даже перестал считать это высокой ценой. Но не забывай, пожалуйста, что вот прямо сейчас ты находишься, можно сказать, на собственном дне. То есть самое худшее, что может из тебя получиться, выглядит именно так.

Я открыл было рот, чтобы огрызнуться: «Ну правильно, куда ещё хуже?» Но вовремя заткнулся, потому что и сам понимал, более того, хорошо помнил: ещё как есть куда.

Наконец неохотно признал:

– Если это действительно самое-самое худшее, получается, я, в целом, вполне ничего.

– Не прибедняйся, сэр Макс. Ты не «вполне ничего», ты отличный. Боюсь, окажись я на твоём месте, горевал бы сейчас не о том, что как-то недостаточно сильно люблю окружающих и весь остальной мир, а о том, что не могу откусить всем вам головы, чтобы немедленно прекратили быть настолько лучше меня.

– Всегда знал, что ты лютый злодей, – невольно улыбнулся я. – Даже завидно. Тоже хочу захотеть всем головы откусить.

– Не стоит оно того, – серьёзно сказал мой друг. – Бессильная злость – так себе удовольствие. Ни тебе экстаза яростной битвы, ни азарта победы, ни возвышающего опыта, ни даже поучительной пищи для ума.

??*

Следует признать, что конфиденциальное разбирательство по делу государственной важности, затеянное Великим Магистром Ордена Семилистника, пошло мне на пользу. Иафах я покинул если не довольным жизнью, то вполне примирившимся с ней. И даже с временно несовершенным собой, а это гораздо труднее, по крайней мере, для меня. Я – идеалист и конченый эгоцентрик, в том смысле, что требую совершенства в первую очередь

от себя самого. Пока гоняю себя суковатой палкой по внутреннему пространству, остальные недостаточно идеальные существа могут отползти на заранее подготовленные позиции и перевести дух, – вот о чём я думал, пока шёл пешком от резиденции Ордена Семилистника на улицу Медных Горшков, в конце которой находится здание Управления Полного Порядка столицы Соединённого Королевства, оно же Дом у Моста.

Переступая порог Управления, я снова поймал себя на раздражённом ворчании: какой вообще смысл жить в Магическом Мире, если приходится ходить на одну и ту же работу изо дня в день? Но пресёк унылый внутренний монолог в самом начале, ещё и мысленно залепил себе затрещину за враньё. Потому что, во-первых, у меня давным-давно настолько свободное расписание, что мог бы практически не заглядывать в Управление, если бы сам того не хотел. А во-вторых, за счастье ежедневно ходить сюда на работу мне ещё предстоит побороться. Вернее, невесть сколько ждать, когда эта работа снова станет моей – если вообще когда-нибудь станет. И от этого «если», честно говоря, впору сойти с ума.

Дверь Джуффинова кабинета, вопреки обыкновению, была заперта. А в Зале Общей работы, тоже вопреки обыкновению, сидела леди Кекки Туотли, которая даже на совещаниях через раз появляется: очень уж занята.

Увидев меня, Кекки выразительно кивнула на запертую дверь и заговорщическим шёпотом сообщила:

– Доедает!

– Что он доедает? – удивился я. Потому что на моей памяти шеф Тайного Сыска ещё никогда не запирался в кабинете только для того, чтобы спокойно, ни с кем не делясь, поесть. Он вообще ходит обедать в «Обжору Бунбу». С другой стороны, всё однажды случается в первый раз.

– Не «что», а «кого»! – фыркнула Кекки. И объяснила: – Сэра Тари Умхаллу он доедает. Того гляди, костей не останется. Два с половиной часа уже говорят.

– А, ну точно же, шантажиста, – вспомнил я. – Хорошее дело. Приятного ему аппетита, если так.

– Да не говори, – пылко согласилась Кекки. – Этот засранец несколько сотен человек держал в страхе, просто ради собственного удовольствия. А может, он этим страхом питался? Я имею в виду, черпал из него силу? Как некоторые колдуны в старые времена?

Я пожал плечами, потому что ответ был мне неведом. Я этого сэра Тари Умхаллу в глаза до сих пор не видел. И о специальных способах черпать силу из чужого страха ничего не знал. Хотя ещё помнил, как самому когда-то в начале карьеры нравилось пугать людей – просто так, потому что они мне не нравятся, а я, по счастливому совпадению, очень крутой. Впрочем, у меня это довольно быстро прошло. Но, боюсь, не потому, что я такой уж прекрасный, просто у меня было слишком много других занятий, и все гораздо осмысленней и увлекательней, чем кого-то бесплатно пугать.

– На самом деле, не важно зачем ему это было надо, – решила Кекки. – Главное, я собрала такие факты, от которых он не отвертится. Три откровенных попытки вымогательства в обмен на сохранение тайны. То есть самый настоящий шантаж. Минимум пять лет заключения в Нунде – если, конечно, дать делу ход.

– Ого. Так это ты нашла на него компромат, а не Кофа?

– И ты туда же, сэр Макс! – укоризненно сказала она. – Что ни сделай, все сразу решат, что это Кофина заслуга. Он, конечно, круче всех в Мире, кто бы спорил. И, справедливости ради, первым о делах сэра Тари Умхаллы узнал. Но свидетельства, которые позволяют официально схватить негодяя за ухо и отвести в Канцелярию Скорой Расправы, всё-таки собрала я.

– Потому что ты уже тоже круче всех в Мире, – согласился я. – Просто как-то очень уж быстро это с тобой случилось. И до нас ещё не дошло. А что за компромат?

– Во-первых, трактирщик, у которого Тари Умхалла в последние годы чуть ли не ежедневно бесплатно обедал в обмен на молчание; зимой у трактирщика умерла жена, ради которой бедняга хранил свою, вернее, их общую тайну, и теперь он готов, если понадобится, всё разгласить. Во-вторых, женщина, которую он склонял к любовной связи, угрожая в случае отказа разболтать газетчикам некоторые малоприятные семейные секреты; леди посоветовалась с родными и теперь готова официально давать показания против него. И в-третьих, новый

сторож кладбища Кунига Юси…

– Грешные Магистры, а от сторожа-то чего он хотел? – изумился я. – Какие блага может дать человеку тайная власть над кладбищенским сторожем? Нет, правда, что?

– Ну так кладбищенского сторожа он тоже домогался, – пожала плечами Кекки. – И я его даже отчасти понимаю, сторож – неописуемый красавчик. У него дед с Арвароха, а мать из Куманского Халифата, кейифайских кровей; в общем, та ещё смесь получилась, невозможно спокойно смотреть. Но важно не это, а то, что сторож – приятель моих знакомых. И поэтому рискнул нажаловаться мне на страстного шантажиста. В суде выступать, если что, наотрез отказался, но неофициально использовать полученную от него информацию в ходе расследования разрешил. Впрочем, это не важно, для Канцелярии Скорой Расправы, если что, даже показаний одного пострадавшего более чем достаточно. Короче говоря, с такими козырями уже можно было идти к Джуффину. И я нынче утром пришла. Шеф на радостях обещал поставить мне памятник в полный рост; говорит, на центральной площади всё-таки вряд ли получится, но уж в своём-то саду он полный властелин!

– Хитрый какой, – невольно улыбнулся я. – Таким красивым садовым украшением разжиться – это он ловко повод придумал.

– Да, – невозмутимо кивнула Кекки, – в качестве садового украшения моё изваяние будет неплохо смотреться. Не стыдно гостям показать.

– Я только одного не понимаю, что Джуффин с ним столько времени делает? – спросил я. – Если уж есть целых две жертвы, готовых официально давать показания, о чём тут ещё говорить?…

– Как – о чём говорить?! – изумилась Кекки. – Ты только вообрази: несколько сотен чужих секретов! Тайные убийства, списанные на неизвестных мятежных магистров в Смутные Времена, наследства, полученные обманом, насильственно развоплощённые призраки, поддельные документы, шпионаж в пользу какого-нибудь из торговых домов Ирраши, несостоявшиеся заговоры, демоны, призванные из иных миров, а потом сбежавшие от заклинателей и натворившие дел, проклятия, когда-то наложенные на врагов и до сих пор действующие на их потомков, или на территории их жилищ, и всё в таком роде. Я сама сижу тут в

надежде, что шеф даст мне ознакомиться с протоколом допроса. И отдельный вопрос – как Тари Умхалла обо всём этом узнал? С виду-то обычный человек, без выдающихся способностей к магии. А судя по допущенным промашкам, не то чтобы великого ума…

– Ай, ну да, – спохватился я. – Тайны, секреты, загадки, отгадки. Конечно, Джуффину всё это интересно.

– Такое всем интересно, включая тебя, – отрезала Кекки. И ехидно добавила: – Может быть, ты до сих пор не заметил, но ты вообще-то работаешь в Тайном Сыске, сэр Макс. А это такая специальная организация, где как раз занимаются секретами и загадками. Они просто не могут нас не интересовать!

– Правда, что ли? – в тон ей ответил я. – Спасибо, что сказала. Такие вещи о себе лучше знать.

– Ну и ради какого кривоногого дуримского лешего ты поставил барьер от Безмолвной речи? – спросил Мелифаро, внезапно возникший из ниоткуда прямо на подлокотнике моего кресла. И спасибо, что не у меня на голове.

С тех пор как этот красавчик научился самостоятельно ходить Тёмным Путём, наши головы находятся в постоянной опасности. И если бы только головы! Он любит устраивать из каждого своего появления настоящий фурор. Так и тянет сказать, что я в его годы был гораздо скромнее, но справедливости ради, сэр Мелифаро старше меня на без малого сотню лет. Здесь долго живут и, соответственно, медленно взрослеют; когда вспоминаешь о настоящем возрасте тех, кого я привык снисходительно называть про себя «молодёжью», выходит довольно смешно.

Я хотел сказать Мелифаро, что не настолько близко знаком с дуримскими лешими, чтобы совершать безумства в их честь. Я с ними вообще ни насколько не знаком, даже не очень-то верю в их существование; впрочем, я и в гномов с великанами поначалу не верил, теперь вспоминать смешно.

В общем, я уже приготовился огрызнуться, практически открыл рот, но внезапно понял, что мне неохота шутить про леших, и снова его закрыл. Вот это, конечно, уже настоящая катастрофа – чтобы я и вдруг поленился молоть ерунду.

Осознав это, я натурально ужаснулся и дал себе слово исправиться при первой возможности. В смысле, взять себя в руки и наговорить столько глупостей, чтобы самому стало неловко. А меня, в принципе, довольно трудно смутить.

– Мы с Трикки тебя искали, – сказал Мелифаро, тщетно пытаясь заменить обычное лучезарное выражение физиономии подходящим к случаю укоризненным. – Причём начали ещё вчера. А сегодня продолжили – с тем же успехом. Ты почему-то упорно не отвечал. В конце концов я заподозрил неладное, связался с Базилио, а она мне сказала, что ты ночевал дома, как приличный человек, давным-давно проснулся, после чего был взят под стражу и препровождён в Иафах; дураку понятно, что Шурф просто изобрёл способ приглашать гостей к обеду без риска нарваться на обидный отказ, но что это за обед такой ослепительный, что ты не готов оторваться от миски на пару слов?

– Обед как обед, самый обычный, – невозмутимо ответил я. – Он вообще ни при чём. Просто Безмолвная речь уже вышла из моды. Даже странно, что не ты первым об этом узнал. При дворе Безмолвной речью больше не пользуются, аристократы, государственные чиновники, университетские преподаватели и просто культурные люди отказываются от неё буквально один за другим. Вот увидишь, и дюжины дней не пройдёт, как этот грубый способ насильственного общения останется уделом неотёсанных ремесленников и деревенских простаков…

– Что?! – дружным хором взвыли Мелифаро и Кекки. По выражениям их лиц я понял, что они мне почти поверили.

Вдохновившись, я продолжил:

– В моду стремительно входят записки, написанные, как в старину, от руки. Их следует слать друг другу не как попало, а со специальными почтовыми курьерами в форменных красных штанах; штанов пока катастрофически не хватает, просто не сшили заранее, такого внезапного поворота даже Правдивый Пророк не мог предсказать, поэтому желающим воспользоваться почтовыми услугами приходится записываться в очередь, аж на три дня вперёд. Всё-таки удивительно, как вы оба прохлопали эти нововведения. Совершенно на вас не похоже. Совсем заработались, не бережёте себя.

– Хвала магистрам, он всё-таки врёт, – с явственным облегчением сказал Мелифаро Кекки. И, повернувшись ко мне, объяснил: – Попытка хорошая. Но специальные красные штаны – перебор.

– Ну так я их вставил из милосердия, – объяснил я. – Задача была вас насмешить, а не свести с ума.

– А идея сама по себе красивая, – мечтательно вздохнула Кекки. – Вот, например, при шиншийском дворе все друг другу пишут записки, правда обходятся без курьеров, сами приносят и деликатно подсовывают под дверь. Я когда узнала, подумала: наверное, очень приятно поутру получать такие послания и читать их, пока пьёшь камру…

– И узнавать новости в лучшем случае через десять часов после того, как они утратили актуальность, – кивнул Мелифаро. – Красота! – И укоризненно сказал мне: – Шутки шутками, но вот так внезапно, без предупреждения ставить барьер от Безмолвной речи – грандиозное свинство с твоей стороны.

– Да не ставил я никаких барьеров, – неохотно признался я. – Просто разучился пользоваться Безмолвной речью. И рад бы, да не могу.

– Эта попытка гораздо хуже, – поморщился он. – Не хватает красных штанов. И непонятно, в каком месте смеяться.

– Ни в каком, – отрезал я. – Говорят, полностью утратить способность колдовать – дело житейское, с кем угодно может случиться. Но ничего особо смешного в этом, по-моему, нет.

– Вот же вурдалачья бездна! – ахнула Кекки.

А Мелифаро ничего не сказал, но судя по выражению лица, изо всех сил старался продолжать мне не верить. Получалось не очень, но сдаваться он не привык. Мне даже стало как-то неловко за своё трагическое выступление, и я поспешно добавил:

– Джуффин говорит, это всего на несколько дней развлечение. Надеюсь, он прав.

– Естественно прав! Уж он-то в таких вещах разбирается, – обрадовалась Кекки.

– Ну ты устроил! – неожиданно возмутился Мелифаро. – Это что, теперь придётся с утра до ночи тебе сострадать вместо того, чтобы привычно хотеть засветить в глаз?

– А в глаз-то зачем? – удивился я.

– Просто для равновесия. Чтобы не выглядел таким ослепительно лучезарным счастливчиком, – объяснил Мелифаро. – Иногда, знаешь, натурально смотреть невозможно. Нервы сдают.

В зеркало посмотрел бы, – мрачно подумал я. Но вслух сказать не успел, потому что в этот момент наконец-то распахнулась дверь Джуффинова кабинета и на пороге появился, во-первых, чрезвычайно довольный шеф, а во-вторых, невысокий человек средних лет с тонким усталым лицом, несмотря на потерянное выражение, чрезвычайно привлекательным. Даже слишком, на мой взгляд, привлекательным для шантажиста, который на протяжении нескольких лет изводил целую кучу народа. Впрочем, внешность и так-то крайне редко коррелирует с душевными качествами, а уж в Магическом Мире, где чуть ли не каждый второй способен её изменить, а остальные знают, куда в случае нужды бежать за подмогой, и в какую сумму она обойдётся, совсем уж глупо обращать внимание, у кого какое лицо. Но я всё равно обращаю. И всякий раз делаю на основе своих наблюдений какие-то выводы, по большей части, смехотворно ошибочные. Причём сам всё это понимаю, но прекратить не могу. Смешно всё-таки устроен человеческий ум.

– Всё будет в порядке, – говорил своей жертве Джуффин, так пугающе ласково, словно провожал его на казнь. – Сами увидите. Но если вдруг покажется, будто что-то снова пошло не так, можете прислать мне зов в любое время суток. Не вздумайте стесняться. В моих же интересах первым обо всём узнать. Хотя заранее готов спорить, помощь вам не понадобится… А кстати, правда, хотите пари?

Человек с тонким лицом изумлённо посмотрел на шефа Тайного Сыска и вдруг улыбнулся, да так обаятельно, что если бы он меня шантажировал, я бы сейчас, чего доброго, всё ему простил.

– А давайте.

Джуффин тоже улыбнулся и окончательно стал похож на сытого лиса, только что благополучно выбравшегося с разорённой индюшачьей фермы.

– Ставлю десять корон Соединённого Королевства, что у вас теперь всё будет в полном порядке, – сказал он. И поспешно добавил: – Я, конечно, имею в виду магическую сторону вопроса. Житейские проблемы вам ещё разгребать и разгребать.

– Ничего, как-нибудь разберусь, – отмахнулся тот. – Лишь бы этот… всё это не началось заново. В общем, я принимаю пари. Расчёт в конце года?

– Лично мне на вашем месте и полдюжины дней хватило бы, чтобы окончательно успокоиться. Но если вы твёрдо намерены тревожиться аж до конца года, будь по-вашему, мне не печёт, – согласился шеф Тайного Сыска.

Он проводил гостя – пленника? подследственного? подозреваемого? – в общем, проводил его до порога, закрыл за ним дверь, ведущую в коридор Управления, и развернулся к нам, торжествующе улыбаясь, – что, не ожидали такого поворота? Помираете от любопытства? Пытаетесь понять, что случилось? И ничего путного пока не придумали? Отлично, молодцы.

Но мы не оправдали его ожиданий. Вернее, Мелифаро и Кекки не оправдали. Спросили практически хором:

– Так он и есть главная жертва?

– И кто же за ним стоял?

Я на самом деле тоже примерно так рассуждал. Просто не хотел разбивать сердце шефу Тайного Сыска. Должен же хоть кто-то сидеть с обалдевшим видом, когда такие дела творятся. А у меня, по общему мнению, как раз очень хорошо получается сидеть с обалдевшим видом, можно сказать, призвание. Кто, если не я.

– Не «кто стоял», а «что стояло»! – ухмыльнулся Джуффин. И покрутил перед нашими носами каким-то мелким блестящим предметом.

Только сейчас я заметил, что на руке у него тонкая «денежная» перчатка, какие обычно надевают суеверные люди, когда собираются рассчитываться наличными. А блестящий предмет, который шеф держит очень осторожно, как ядовитого жука, – просто кольцо. Хотя, с учётом сложившихся обстоятельств, конечно, не «просто». Сложно, очень сложно кольцо.

– Вот что иногда случается с любителями древностей, которым не хватает знаний и опыта, чтобы по достоинству оценить попавшее в руки сокровище, – веско сказал Джуффин.

Кекки и Мелифаро превратились в два вопросительных знака. То есть метафорически превратились, а не физически. Хотя физически это тоже вполне возможно. По крайней мере, я бы точно смог, – думал я, невольно прикидывая, как провернул бы такой фокус ещё недавно, буквально позавчера. Сперва надо превратиться в туман; строго говоря, это не одно, а два действия: стать невидимым и одновременно создать вокруг своего тела иллюзию сгустившегося тумана. А потом придать этой иллюзии нужную форму. Вполне обычная трёхходовка, ничего особо сложного нет, а выглядит очень эффектно. Даже жалко сейчас, задним числом, что я с утра до ночи так не развлекался, пока ещё мог.

Но поскольку превратиться во что бы то ни было мне в ближайшее время не светило, я попросил:

– Дяденька колдун, расскажи нам страшную сказку про эту волшебную хренотень.

– Только при условии, что ты её самолично проиллюстрируешь, – ехидно ответил шеф.

Удар ниже пояса. Но я не дрогнул. Сказал:

– Договорились. С кольцом уж как-нибудь да справлюсь. Но не забывай: я рисую за еду!

– Так и быть, отправлю заказ Жижинде, – неожиданно легко согласился Джуффин. – Сам голодный, как людоед энго в брачный сезон. Но учти, сэр Макс, у меня в кабинете действительно есть бумага. И даже карандаш.

Не сомневаюсь, что он эти заморские канцтовары специально сегодня утром по дороге на службу в какой-нибудь лавке редкостей заказал, чтобы при случае всласть поизмываться над беззащитным художником в моём лице. Сэр Джуффин Халли всё-таки угуландский колдун старой школы. А значит, как говорят шиншийцы, неукротимый лютый беспрецедентный злодей.

??*

– Уникальная вещь, – сказал Джуффин, положив на стол тонкое кольцо из драгоценного синего сплава с небольшим тёмным, почти чёрным камнем. – Только в руки не вздумайте брать, – строго добавил он. – Даже не прикасайтесь. Не ровен час прицепится, он сейчас растерян и очень голоден.

– Кто растерян и голоден? – спросил Мелифаро. А мы с Кекки только изумлённо переглянулись, дескать, ну и дела.

– Как сказали бы мои не особо образованные земляки, «дух кольца». Звучит довольно наивно, но по сути более-менее верно. Как многие волшебные вещи, сделанные выдающимися мастерами, это кольцо имеет что-то вроде личности. Не полноценной, а примерно как у младенца, способного осознавать свои насущные потребности. И одновременно совсем не младенческие возможности эти потребности удовлетворять.

– Звучит ужасно, – заметил я. – Тут с людьми-то не всегда получается сладить, когда они обступают тебя, угрожающе размахивая своими потребностями и возможностями. А если ювелирные украшения начнут выделываться, ещё и мебель с одеждой плохому научат, ну всё, полный конец обеда. Кранты.

– Я тоже так думаю, – неожиданно согласился Джуффин. – Никогда не любил все эти старинные амулеты, сделанные великими мастерами с тяжёлым характером. Управляться я с ними, хвала магистрам, умею, но в голову не пришло бы у себя дома это добро хранить. И уж тем более мастерить что-то подобное, вкладывая в предмет свою волю, а значит, и какую-то часть самого себя. Однако создатели

волшебных вещиц, к сожалению, не имели обычая спрашивать моего мнения. Они, бедняги, вообще не догадывались, что когда-нибудь в Мире родится умник вроде меня.

– И вот это маленькое колечко целиком поработило своего обладателя? – спросила Кекки. – Ну надо же! Вообразить не могу. Вечно одно и то же: только-только возникает уверенность, будто я наконец-то начала разбираться в магии, обязательно случается что-то такое, что вообще не укладывается в голове. Понимаю, что по сравнению с вами я практически начинающая, но нельзя же всю жизнь начинать!

– Можно, – заверил её Джуффин. – И даже нужно. Привыкай к мысли, что так будет всегда. Магия такое дело – если несколько дней подряд испытываешь уверенность, будто во всём разбираешься, значит, что-то пошло не так.

– Меня всегда интересовало, где люди подобные штуки берут, – заметил Мелифаро. – Когда делают сами, понятно. Когда получают по наследству, или в подарок, к амулету, по идее, должна прилагаться инструкция, если только подарок не от тайного врага. Но тайные враги с опасными амулетами не то чтобы у каждого второго имеются. И даже не у каждого сотого. А историй, как люди влипают с волшебными вещами, не разобравшись в их свойствах, только на моей памяти было завались. Неужели просто случайно покупают у антикваров? Или находят на улице? Лично я за всю жизнь ни разу на улице ничего путного, кроме мелких монеток не находил.

На самом деле, так тоже бывает, – пожал плечами Джуффин. – На то и волшебная вещь, чтобы самостоятельно выбрать себе нового владельца и найти способ оказаться у него в руках. Но, справедливости ради, чаще всего такие сокровища находят не на улицах и не в лавках, а, будешь смеяться, в собственных домах. Чего только предки столичных обывателей в свои кладовые не понатаскали! Хозяйственный у нас народ. Собственно, в данном случае именно так и вышло. Мать сэра Тари Умхаллы в Смутные Времена принадлежала к одному из тайных обществ, исследующих, как они сами выражались, историю магии. Если называть вещи своими именами, любителей наведываться в тайные подземелья резиденций разгромленных Орденов и другие интересные места в поисках припрятанных там сокровищ. Дело это было опасное, зато азартное. И чрезвычайно выгодное. Особенно для тех, кто не поспешил сбыть добычу, а дождался наступления мирных времён, когда цены на старинные драгоценности выросли минимум в дюжину раз. А на магические амулеты – хорошо если не в

сотню. И леди Вельти Умхалла тоже припрятала часть добычи. Но до мирных времён, к сожалению, не дожила; сэр Тари говорит, однажды вышла в лавку и не вернулась. Даже следов не нашли. Но поскольку в тот вечер в их квартале была большая облава на послушников Ордена Водяной Вороны, легко догадаться, что именно с ней случилось. Всякий адепт Ордена Водяной Вороны, уходя от погони, считал своим долгом испепелить за компанию с преследователями пару дюжин прохожих. У них это считалось своего рода шиком. И одновременно тонким намёком: не стоит гоняться за нами по городу, слишком дорого всем обойдётся такая чехарда. Но речь сейчас не о них, а о том, что леди Вельти Умхалла погибла, не оставив ни завещания, ни записки, ни даже намёка, как искать её тайники, и что потом делать с сокровищами. Сэр Тари сказал, отец с тётками знали, что тайники в доме есть, долго искали, нашли четыре, решили, что на этом всё, и успокоились. А несколько лет назад Тари Умхалла, к тому времени осиротевший и вступивший в наследство, затеял перестройку старого родительского дома и обнаружил пятый тайник. Обрадовался сокровищам – любой бы на его месте обрадовался. Разглядывал их, примерял, прикидывал, что продать, что оставить, пока дело не дошло до этого кольца.

– А каково его воздействие? – нетерпеливо спросила Кекки. – В чём оно заключается? Что вообще может сделать с человеком кольцо, пусть даже сто раз волшебное?

– Правильный ответ: да всё что угодно, – ухмыльнулся Джуффин. – Не следует недооценивать возможности старинных украшений, любое из которых может оказаться магическим амулетом. А это далеко не всегда хорошо. То есть в подавляющем большинстве случаев откровенно хреново для нового хозяина амулета. Точнее, его нового раба. Что касается этого колечка, оно на самом деле далеко не худший вариант. Просто обучено кормиться человеческим страхом и здорово изголодалось за долгие годы, проведённые в разных тайниках.

– Как же я его сейчас понимаю! – вставил я, демонстративно размахивая обрывком бумаги, на котором нарисовал двадцать восемь в разной степени кривобоких портретов заколдованного кольца. Больше просто не поместилось, а жаль: рисование помогало отвлечься от томительного ожидания еды.

Нет, правда, безобразие – уже четверть часа тут сидим, и где обещанные пироги из «Обжоры Бунбы»? Раньше не приходилось так подолгу ждать свой заказ. Можно подумать, что вместе со мной магические способности утратил и весь остальной окружающий мир.

Джуффин почему-то не рассердился, что я его перебиваю, а заботливо спросил:

– Ты настолько голодный?

– Не то слово. Причём с тех пор, как проснулся. Уже два раза позавтракал, не помогает. Хотя второй завтрак подозрительно смахивал на званый обед.

– Это отлично, – обрадовался шеф. – Во-первых, считается, будто страдания облагораживают; я в эту чушь не верю, но так говорят. А во-вторых, постоянный неутолимый голод обычно сопутствует возвращению утраченной силы. Быстро пошёл процесс!

– Но ни к чему путному пока не пришёл, – мрачно сказал я, потому что в перерывах между рисованием украдкой пытался то уменьшить и спрятать в пригоршню пустое кресло, то хотя бы просто послать зов кому-нибудь из знакомых, но ни разу не преуспел. И от этого окончательно впал в уныние.

Джуффин возвёл глаза к потолку с видом мученика.

– Суток ещё не прошло. Каких-то несчастных суток, сэр Макс!

Я не стал говорить, что для меня сейчас каждая минута, по ощущениям, практически сутки, а значит, с момента моего пробуждения прошёл уже почти целый год. Но вовсе не потому что устыдился своего нытья, просто в распахнутое настежь окно кабинета наконец-то дружной стайкой влетел наш заказ, и жизнь сразу показалась мне если не прекрасной, то вполне сносной. Ну или даже хорошей – это обычно от начинки зависит. И от количества пирогов.

??*

– Ыцо ыаэца ыоээым аом, ито ыо? – промычал Мелифаро с набитым ртом. Но даже я понял, что он хотел сказать: «Кольцо питается человеческим страхом, и что с того?» Явно подразумевая: объясните мне, почему надо было срочно бежать шантажировать посторонних людей вместо того, чтобы просто снять украшение?

У меня самого были примерно такие же вопросы. И ещё более плотно набитый рот, так что даже пытаться что-то сказать бесполезно. А узнать-то хочется прямо сейчас.

Однако сэр Джуффин Халли тоже был временно лишён возможности издавать членораздельные звуки. Хотя, по идее, должно же быть специальное заклинание, позволяющее внятно говорить с набитым ртом. Никогда не поверю, что до сих пор никто не додумался такую важную штуку изобрести.

– Видимо, снять кольцо оказалось уже невозможно, – предположила Кекки. – Мы все знаем, как это бывает – волшебное украшение намертво прирастает к телу, а все попытки от него избавиться сопровождает невыносимая боль, или потеря сознания, или просто приступы паники – как повезёт. А бежать за помощью слишком страшно: вдруг амулет тебя за это убьёт…

– Совершенно верно, – согласился Джуффин, наконец-то одолевший свою порцию. – Кольцо сразу сообщило своему обладателю, что при первой же попытке сопротивления его испепелит.

– Вот прямо так и сказало? – недоверчиво переспросил я. – Человеческим голосом? Кольцо?!

– А то ты не знаешь, как волшебные предметы со своими владельцами разговаривают… Хотя да, вполне можешь не знать. У тебя таких, вроде, никогда не было. На самом деле это очень похоже на Безмолвную речь – чёткие, внятные мысли в голове, причём явно чужие, со своими не спутаешь. Иногда такие говорливые амулеты попадаются, что выспаться по-человечески хозяину не дают. Но некоторые этому только рады. У нас в самом начале Эпохи Кодекса вышла смешная история: Кофа выследил одного старичка, который скупал у подпольных торговцев волшебные амулеты, да в таком количестве, что мы заподозрили заговор, чуть ли не государственный переворот…

– Сэр Акавайя Пухта, проживавший в девятом доме по улице Долгих Снов, дед по материнской линии нынешнего Старшего Мастера Укоряющего Должников при Управлении Больших Денег, – сонно пробормотал буривух Куруш, всё это время дремавший на верхней полке шкафа, под самым потолком.

Бедняга так устал от чужих секретов, которые ему пришлось выслушать и запомнить, что с тех пор, как мы вошли, слова не вымолвил, даже не поинтересовался, принёс ли я ему угощение, а это уже ни в какие ворота. И кстати, довольно обидно: печенье-то я купил и теперь не знал, что с ним делать, не совать же насильно в клюв. Лично мне не особенно нравится, когда меня внезапно будят, чтобы немедленно покормить.

– Спасибо, милый, твоя помощь бесценна, но просыпаться совершенно не обязательно, отдыхай, – сказал Джуффин Курушу, который, впрочем, так и не открыл глаз. И повернулся к нам: – Так вот, в итоге выяснилось, что не было там никакого заговора. У человека просто жена умерла, дети разъехались, друзей в городе не осталось, даже любимый старый слуга в самом конце войны погиб, вот он и начал собирать волшебные предметы, просто чтобы было с кем поговорить.

– Из амулетов получаются хорошие собеседники? – удивился я.

– Случается и такое. Но честно говоря, довольно редко. Зато они постоянно чего-то требуют, предлагают, ставят условия, пугают, обещают награду за послушание. Для семейного человека – милое дело. Всё, как привык.

– Справедливости ради, даже в большой семье довольно редко грозят друг друга убить, – заметил Мелифаро.

– Это тебе просто повезло с родителями и женой, – ухмыльнулся Джуффин. – Но, кстати, угрозы этого кольца были пустой болтовнёй. Только совсем несведущий, неопытный человек мог поверить, будто такое колечко действительно способно испепелить кого бы то ни было. Эта вещь создавалась не для того, чтобы убивать. Вот запугивать у неё неплохо получается, факт.

– А какой в этом смысл? – удивился Мелифаро. – Я имею в виду, для создателя кольца. Пугать, по-моему, довольно нелепое занятие. Ну все испугались, сидят, боятся. И дальше что?

– Да всё что угодно, – пожал плечами Джуффин. – Выбор велик. Навязывать свою волю, унижать, подчинять, или просто бескорыстно наслаждаться чужим страхом и своей полной властью над ним. А некоторые колдуны способны питаться человеческим страхом. Точнее, не страхом как таковым, а присваивать силу тех, кто их боится; в Смутные Времена это был довольно популярный

приём, все подряд пытались его освоить, но мало кому удавалось, и хвала магистрам, а то даже думать не хочу, что бы тогда началось. Но я, кстати, легко научился, буквально с первой попытки…

На этом месте Кекки и Мелифаро сделали такие специальные большие глаза – как, и вы тоже?! Да не может такого быть!

Никогда не пойму, это они так придуриваются смеху ради, или действительно до сих пор не поняли, с кем связались? Джуффин есть Джуффин. Он великий колдун и лучший в мире учитель, но это вовсе не означает, что у сэра Джуффина Халли есть хоть малейший шанс получить призовое место на конкурсе ласковых добряков.

– …но даже не знаю, что должно случиться, чтобы я этим умением воспользовался, – заключил Джуффин. – Сила – дело хорошее, но не какая попало. Забирать чужую силу при помощи страха – всё равно что с голодухи помои жрать.

Это нам всем, конечно, крупно повезло, что он такой переборчивый, – мрачно подумал я. А вслух сказал:

– Что кольцо держало хозяина в страхе и диктовало ему свою волю, это понятно. Но как он столько чужих тайн разузнал? Меня хоть дюжину лет кряду запугивай, поседею и начну заикаться, но вряд ли научусь вызнавать чужие секреты. По-моему, от страха никто особенно не умнеет. Обычно наоборот.

– Да не надо было ему ничего вызнавать, – отмахнулся Джуффин. – Кольцо само распрекрасно с этим справлялось. По словам сэра Тари, достаточно было буквально минуту постоять рядом с любым незнакомцем, чтобы узнать его самый страшный секрет. Но только в том смысле страшный, что человек больше всего на свете боится его разглашения. А так-то тайны, в основном, ерундовые. Большую часть можно преспокойно разболтать всем, включая газетчиков, без особых последствий для заинтересованных лиц. Но это мне, стороннему человеку, понятно, а изнутри видится совершенно иначе… Ладно, не важно. Важно, что тайны кольцо выведывало само. Готов спорить, изначально оно именно для этого и предназначалось. Я о подобных читал. В самом начале Эпохи Кодекса мы с Кофой распускали по городу разные жуткие слухи о моей персоне. И один из слухов гласил, будто у меня есть перстень Хозяин Лжи, позволяющий

узнать правду о ком угодно. На самом деле, я и без перстня неплохо справляюсь, но люди обычно гораздо охотнее верят рассказам о специальных волшебных вещах, чем о чужих умениях.

– То есть на самом деле у тебя такого перстня нет? – огорчился я, до сих пор свято веривший в эту легенду, хотя перстня ни разу в глаза не видел, а ведь при скольких допросах присутствовал. Ну и вообще знаю сэра Джуффина Халли, мягко говоря, не первый день.

– Да есть, конечно, – ухмыльнулся шеф. – Просто невидимый. И называется не «Хозяин Лжи», а «репутация». Плод многолетней работы с общественным мнением, которое хоть и не считается магией, а меняет картину мира не хуже, чем она. Но в ту пору моя репутация только начинала создаваться, поэтому мы с Кофой с утра до ночи сочиняли легенды, одна другой заманчивей и страшней. А сэр Шурф исправно снабжал нас историческими материалами, которые по моей просьбе раскапывал в библиотеках и букинистических лавках. В частности, он нашёл какие-то анонимные мемуары чуть ли не эпохи Халлы Махуна Мохнатого, где упоминалось кольцо, помогающее выведать чужие секреты. Причём чем больше человек хочет скрыть свою тайну, тем она очевидней кольцу. Мы вдохновились и придумали легенду о перстне Хозяин Лжи. Забавно, если в мемуарах шла речь именно об этом колечке – вот и встретились наконец! Правда об опасности оказаться во власти кольца там ни слова не говорилось. Но элементарный здравый смысл подсказывает, что с подобными амулетами следует обращаться осторожно. То есть без полудюжины специально подобранных охранных заклинаний голыми руками не брать. К тому же от слишком долгого бездействия у кольца мог изрядно испортиться характер…

– Как у меня, – подсказал я.

– Вот именно, – согласился Джуффин. – Всего-то полдня проболтался без дела, причём свободно гулял, где вздумается, а не лежал в тайнике, и уже такой мрачный, сил моих нет смотреть. И зыркаешь на меня так, словно после моего визита у тебя из дома вилки пропали. Дня через три-четыре, по моим расчётам, вообще драться начнёшь.

– Да я бы прямо сейчас начал, – вздохнул я. – Руки уже чешутся. Сидите тут такие блистательные и вдохновенные, пока простой народ в моём лице прозябает в ничтожестве. Просто хрен я хоть кого-то из вас без применения магии поколочу.

– Можно подумать, с применением поколотишь, – возмутился Мелифаро.

– Пока не попробуешь, не узнаешь, – оптимистически заметил я.

– А теперь вообразите, как бы испортился его характер, к примеру, тысяч за десять лет, – продолжил Джуффин. – И умножьте этот кошмар на полное отсутствие пирогов. Вот примерно так и чувствовало себя кольцо, доставшееся сэру Тари Умхалле.

– Ужас какой! – искренне сказал Мелифаро.

А Кекки нетерпеливо спросила:

– Так сэр Тари поэтому ни от кого ничего не требовал в обмен на своё молчание, а только загадочно улыбался? Потому что задача была как можно дольше держать их в страхе?

– Ну да.

– Но почему тогда он допустил такие нелепые ошибки? Что ему страсть отключила голову, это я ещё как-то могу понять. Но с трактирщиком?! Неужели просто от жадности? Типа если уж я всё равно порабощён ужасным древним кольцом, и с этим ничего не поделаешь, так хоть пожру бесплатно? Но он же совсем не бедный человек. А если настолько жадный, так за счёт Короля почти во всех заведениях кормят, только попроси…

– Ну де-е-евочка! Ну мать твою голышом на болото! – укоризненно протянул Джуффин. – Что с тобой вдруг случилось? Ты же буквально только что была умнее всех нас!

Кекки беспомощно моргнула и вдруг с размаху хлопнула себя ладонью по лбу:

– Ну конечно! Он как раз и надеялся, что на него пожалуются, и дело дойдёт до ареста, да? Вот и хитрил как мог. По своей-то воле он к нам за помощью идти боялся. Думал, убьёт его это кольцо. И ведь знал, кого выбирать! Этим троим опасаться особо нечего. У трактирщика тайна совсем пустяковая: его жена давным-давно, когда они даже не были знакомы, по просьбе родителей выдала

себя за умершую сестру-близнеца, чтобы продолжать получать Королевскую пенсию её погибшего мужа-гвардейца; собственно, так под сестриным именем до конца дней и жила. И всю жизнь ужасно боялась, что её выведут на чистую воду, ославят за жадность и заставят возвращать деньги в казну. И трактирщик боялся с женой за компанию, но, справедливости ради, не штрафов, а что она с таким хрупким здоровьем скандала и разбирательств не переживёт. И у леди Мирены, и у сторожа секреты примерно такие же безобидные, неподсудные за давностью лет и по той же причине вполне безопасные для репутации; в общем, теперь понятно, почему Тари Умхалла именно к ним приставал. И всё у него в конце концов получилось, надо же, какой молодец! А я-то, дура, заключила, что он человек небольшого ума.

– Да, к счастью, сэр Тари Умхалла оказался очень сообразительным человеком, – кивнул шеф. – Особенно меня восхищает, что он догадался требовать не деньги и драгоценности, а любовь и еду. Ловко обвёл кольцо вокруг пальца! С точки зрения кольца, Тари Умхалла занимался удовлетворением естественных человеческих потребностей, в которых волшебные амулеты особо не разбираются – надо, так надо, давай. А если бы кольцо почуяло неладное, сэр Тари даже рта открыть бы не смог. В самом начале – пожалуй, но не сейчас. В подобных делах время всегда работает против жертвы, с каждым днём власть волшебного амулета делается всё сильней, а собственной воли остаётся всё меньше. Пока всё обдумаешь, взвесишь, наберёшься храбрости, решишься рискнуть, взбунтоваться становится технически невозможно, уже слишком крепко влип.

– Ужас на самом деле, – поморщился Мелифаро. – Бедняге не позавидуешь. Довольно унизительное приключение. Допустить, чтобы тобой командовало какое-то несчастное кольцо!

– Ну, тобой в своё время какая-то несчастная куманская шкатулка командовала, – напомнил Джуффин. – И ничего, сидел, как миленький, прижимал её к сердцу и слюни пускал.

Мелифаро скривился ещё больше и неохотно признал:

– Ваша правда. И чести это мне не делает.

– Да ладно тебе, при чём тут какая-то честь, – отмахнулся Джуффин. – Я же не в упрёк тебе эту историю припоминаю. Кто вообще в здравом уме станет таким попрекать? Лучше подумай, какой уникальный опыт ты тогда получил. И жив остался, а это в нашем деле вообще единственный критерий успеха: «выжил» и есть «победил». А «унизительно», «не унизительно» – вообще не разговор. Опыт взаимодействия с незнакомыми проявлениями магии унизительным не бывает, как бы процесс его получения ни выглядел со стороны. Просто следует понимать, что такое с кем угодно может случиться, в любой момент. Собственно и случается. На каждого великого героя рано или поздно непременно находится какая-нибудь магическая штуковина, которая ему не по зубам. И на меня самого не раз находилась. Может, однажды снова найдётся. Совершенно не удивлюсь.

Мелифаро и Кекки молчали, сражённые этим откровением. Потому что всё-таки Джуффин есть Джуффин, невозможно представить, будто у него есть хоть какие-то слабые места. Теоретически я знаю, что это не так, сам не раз становился свидетелем того, как шеф Тайного Сыска ошибался и попадал впросак. Да что там, он даже в «Крак» мне неоднократно проигрывал, хоть и гораздо реже, чем я ему, но сам факт! Однако это ничего не меняет. Собственным ощущениям сложно не верить, а они настойчиво говорят, что сэр Джуффин Халли – абсолютно всемогущее существо.

– Я, например, уже нашёлся, – сказал я, просто чтобы разрядить обстановку. – Поработил твою волю, ем твою еду, опаздываю на твои совещания…

– Вот именно, – невозмутимо подтвердил шеф Тайного Сыска. – Напасть ничем не хуже этого грешного кольца. С другой стороны, твою волю поработил мой буривух, так что мы квиты. Поэтому, пожалуй, не буду пока тебя одолевать. Других дел по горло. Предлагаю сделку: если ужасная магическая штуковина в твоём лице оставит меня в покое до заката, я потом сам приду в твоё логово, готовый к порабощению воли. Ну, в пределах разумного. В карты поддаваться не буду, и не проси.

– То есть, если я сейчас уйду отсюда на хрен, ты за это вечером придёшь ко мне в гости? – расшифровал я.

– «На хрен» как раз не стоит, – серьёзно возразил Джуффин. – А то тебя потом опять не доищешься. Давай ты лучше в какое-нибудь простое и понятное место уйдёшь. Например, домой, там с тобой вряд ли что-то фатальное случится. Не серчай, сэр Макс, мне самому убегать надо. А Кекки и Мелифаро я намерен

оставить наедине с Курушем, чтобы послушали протокол допроса: полезной в их работе информации там чуть больше, чем способна вместить человеческая голова. Поэтому придётся им обойтись без приятного излишества в твоём лице. Ты даже молча всех всегда отвлекаешь от дела, самим фактом своего бытия.

– Ничего так комплимент получился, – невольно усмехнулся я.

– Правда? – удивился Джуффин. – А ведь было задумано, как горький упрёк.

– Ладно, пойду домой, и буду ждать тебя в гости, скрежеща зубами от ярости, – вздохнул я. – Мне сегодня как раз рассказали про бессильную злость. Отличная штука, оказывается. В смысле, ужас кромешный. Не факт, что у меня с первого раза получится, но я старательный. Буду прилежно практиковать.

Я поднялся, корча злодейские рожи, как я их себе представляю. Видимо, представляю как-то не совсем правильно, потому что эти трое не рассмеялись, а уставились на меня с неподдельным состраданием. А Мелифаро вдруг спросил Джуффина:

– Может быть, я его провожу? Отведу домой Тёмным путём? Или, если нельзя провести, отвезу в амобилере, быстро, туда и обратно? – И, повернувшись ко мне, сказал сочувственно и смущённо, как обычно говорят с тяжелобольными: – Нет, ну правда, как ты будешь добираться до дома один?

– Вообще-то ногами, – честно признался я. – Как люди обычно ходят: топ-топ. Только не говори, что пешие прогулки по городу вышли из моды. Этого я точно не переживу.

– Но ты же… – начал было Мелифаро и умолк, явно не зная, как, не задев моих чувств, выразить нехитрую мысль «беспомощен, как младенец». Деликатность никогда не была его сильным местом, но парень честно делал, что мог.

– Не перегибай палку, – сказал ему Джуффин. – Сэр Макс только колдовать разучился; собственно, большинство людей в Мире всю жизнь примерно так живут. И ничего, справляются. И он как-нибудь справится. Не нужна никакая магия, чтобы просто вернуться домой.

Обращался он к Мелифаро, но смотрел при этом почему-то на меня, с таким весёлым вызовом – ну что, слабо? – словно это я сам попросил помочь мне добраться до дома. Хотя мне бы и в голову не пришло.

Вроде ничего особенного не случилось, но я вдруг почувствовал себя так, словно всё это время смотрел на окружающий мир сквозь тонкую, прозрачную, но не слишком чистую тряпку, и вот наконец её кто-то убрал. Мелифаро больше не казался мне самодовольным пижоном, каковым, собственно, никогда и не был, леди Кекки Туотли не выглядела суетливой отличницей, преждевременно переведённой в выпускной класс и до полусмерти испуганной этой удачей, что тоже не имеет ни малейшего отношения к правде о ней, а сэр Джуффин Халли из мутного хитреца, с которым всегда надо держать ухо востро, снова превратился в настоящего Джуффина, опасного и непредсказуемого, как сама жизнь, но и щедрого, и великодушного, как она.

– Спасибо, – сказал я им, всем троим сразу; хорошо, что никто не спросил, за что, собственно, вдруг «спасибо», я бы не знал, что ответить. Не говорить же: «За то, что вы меня расколдовали», – а только это и было похоже на правду. Хотя никто меня, конечно, не расколдовывал. А перед этим не заколдовывал. Я сам, просто так, не пойми с какого перепугу, несколько часов кряду вот таким идиотом, в смысле, угрюмым скептиком был.

??*

Из Управления я не вышел, а вылетел пулей, всё той же пулей пролетел до конца улицы Медных Горшков, свернул за угол и только там немного убавил шаг. На самом деле, просто не хотел встретить ещё кого-нибудь из знакомых и, чего доброго, заново объяснять, почему не отвечаю на зов. Сэр Мелифаро, исполненный сострадания, – это было необычно и по-своему даже красиво, но с меня достаточно – на сегодня и, в идеале, на веки веков. Всё-таки быть объектом дружеского сочувствия – явно не моё призвание. Мне бы чего попроще. Например, выпендриваться и блистать.

Я шёл по городу в направлении Мохнатого Дома; там тоже, конечно, не особо спрячешься от человеческой доброты, но можно запереться в кабинете и никому не открывать. Ну или открывать, предварительно погрозив кулачищем… – на этом месте я критически оглядел свои так называемые кулачищи и в очередной

раз сделал вывод, что без магии не стоит и пробовать корчить из себя воинственного драчуна. Так смешно, что уже не смешно.

Однако буйное воображение, объединившись с чувством комического, тут же принялось рисовать сцены доступных мне в нынешнем положении героических битв, из которых я мог бы выйти победителем – например, подушками в спальне, или, скажем, косточками йокти из подворотни в знакомых пулять – и сделали практически невозможное, по-настоящему подняли мне настроение. Я так развеселился, мысленно примеряя на себя костюм Супермена, невообразимые красные трусы, способные без всякой магии повергнуть в шок население Ехо во главе с самыми могущественными колдунами, даже леди Сотофа, пожалуй, на какое-то время выйдет из строя – в общем, я так развеселился от всех этих глупостей, что, сам того не заметив, окончательно стал нормальным человеческим собой. И давайте, – мысленно взмолился я, сам не зная, к кому обращаюсь, – больше никакого дурацкого «дна», никогда, ни при каких обстоятельствах, хватит, в это я уже наигрался. Поставим мне зачёт автоматом и закроем вопрос.

Я добирался домой самым запутанным и кружным маршрутом, какой только смог изобрести, благо в кои-то веки спешить было решительно некуда, а вокруг благоухали цветущие сады, дымились костры из опавших за зиму листьев, за деревьями скрывались невысокие дома всех мыслимых архитектурных стилей – новенькие, построенные уже в эпоху Кодекса, и древние, как булыжники мостовых. Из окон выглядывали весёлые лица жильцов, звучали звонкие голоса, под ногами пестрели разноцветные, как леденцы, камешки мощёных тротуаров, мимо неторопливо проезжали амобилеры, школьники с восторженными воплями гонялись за летающим разноцветным чудищем, судя по нелепому виду и некоторой размытости форм, не купленным в игрушечной лавке, а наколдованным самостоятельно, без помощи взрослых, скорее всего, даже тайком от них. Всё это вместе называлось «весна в Старом Городе» и было моим любимым аттракционом, лучшим развлечением на свете, козырной картой моей судьбы – если уж такое мне выдала, значит, она лучше всех судеб в мире, имеет полное право творить, что вздумается, слова ей поперёк не скажу.

Я шёл, глазея по сторонам, иногда отвечал на приветствия – в кои-то веки вышел на улицу, не изменив внешность, терпи. Впрочем, это внезапно оказалось скорее приятно, чем нет, горожане у нас, хвала магистрам, люди довольно сдержанные, поэтому среди них я чувствовал себя не одиозной городской знаменитостью, а просто всеобщим соседом; собственно, в этом районе я и есть всеобщий сосед,

до Мохнатого Дома здесь совсем близко, как ни петляй, растягивая путь.

Но я молодец, в конце концов допетлялся до совсем уж безлюдных кварталов. В Старом Городе такие есть до сих пор, очень уж много народу уехало из столицы в Смутные Времена, далеко не все захотели потом возвращаться, а продавать свои столичные дома, или сдавать их в аренду у большинства хозяев нет ни желания, ни особой нужды. Я им за это бесконечно признателен, потому что пустые кварталы Старого Города, заросшие запущенными садами, населённые немногочисленными деликатными призраками и ещё более деликатными бедными студентами, тайком занимающими пустующее чужое жильё, я люблю больше всего на свете; впрочем, я почти всё на свете люблю больше всего.

Когда-то именно в этих кварталах я учился уходить на Тёмную Сторону без долгих скитаний по специально для этого предназначенным подземельям, без Стража и даже без опытного проводника, а просто гуляя по улице, шаг за шагом постепенно впадая в транс. Метод, настолько мало кому доступный, что в него даже опытные старые колдуны обычно не верят, считают просто завиральной легендой, одной из баек о древних Тёмных Магистрах; к счастью, я ничего об этом не знал, услышал однажды от Джуффина, что такое возможно, и попробовал – не то чтобы заранее уверенный в успехе, я о нём вообще как-то не думал, просто стало интересно: а вдруг получится? И что я при этом почувствую? И какое изумлённое лицо будет у сэра Джуффина Халли, когда он узнает, что я теперь тоже умею вот так. Подозреваю, секрет всех моих успехов в изучении магии заключается в том, что я обожаю выпендриваться, а Джуффин в этом смысле благодарная аудитория: будучи человеком, удивить которого хочется больше всего на свете, он легко и охотно удивляется любым, даже незначительным достижениям учеников.

В общем, тогда у меня довольно легко получилось попасть на Тёмную Сторону прямо во время прогулки. Не с первого раза, но и не годами бился, примерно дюжину раз без особого толку покружил по ночному городу, а потом – хлоп! – и сам не заметил, как засияла земля, небо потрескалось, как яичная скорлупа, которую изнутри пробивает птенец, воздух сгустился до состояния мерцающего тумана, а ветер начал обретать цвет. А когда наконец заметил, совершенно не удивился: ну правильно, всё нормально, где мне ещё быть, если не на Тёмной Стороне? Обычное дело, любой избранник Тёмной Стороны, оказавшись там, чувствует только бесконечное облегчение – ну наконец-то я дома! А удивляться он станет уже потом, вернувшись с изнанки Мира на его лицевую сторону. Но всё равно всю жизнь будет помнить, где его настоящий дом.

С тех пор прошло много лет; теперь-то я умею попадать на Тёмную Сторону вообще без прогулок, мгновенно, так называемым «лёгким шагом»: захотел, и уже там. Вернее, умел, – мрачно подумал я. – Надо привыкать употреблять прошедшее время… нет, ну его к лешим, ещё чего не хватало. Не надо мне к такому привыкать. Джуффин сказал, через несколько дней всё будет в порядке, значит, будет. Зачем ему в таком важном вопросе врать? Он, конечно, хитрец каких мало, но обманывать просто так, утешения ради вряд ли стал бы, как хороший охотник не станет без нужды палить в потолок из ружья. У Джуффина всегда каждое слово продумано, ни одного междометия зря, всё с какой-нибудь никому не ведомой стратегической целью; не удивлюсь, если у него есть специальные реплики замедленного действия, которые, по замыслу, должны сработать аж через триста лет, и ведь сработают, – думал я и улыбался собственным мыслям, не потому что мне стало смешно, просто сосредоточенно думать о могущественном колдуне почти такое же удовольствие, как стоять с ним рядом – при условии, что он не твой личный враг, окруживший себя специальной защитой, тогда, конечно, может получиться обратный эффект.

А если думать о Тёмной Стороне? – вдруг осенило меня. – Так же сосредоточенно, как сейчас думал о Джуффине? Может, ещё лучше себя почувствую? Всё-таки Тёмная Сторона – квинтэссенция магии, а значит, должна воздействовать на расстоянии ещё круче любого могущественного колдуна.

И я принялся думать о Тёмной Стороне. О том, что она, конечно, не конкретное место, а состояние, в котором маг способен взаимодействовать с тайной, подлинной сутью привычных вещей; собственно, с самим нашим Миром, можно сказать, с его личностью, чьи проявления мы, согласно древней традиции и называем «Тёмной Стороной». Но штука в том, что слабому человеческому уму Тёмная Сторона всё равно кажется не состоянием сознания и не личностью Мира, а именно местом, такой специальной прекрасной волшебной страной, до которой можно однажды добраться, как до Красной пустыни Хмиро, или до побережья Великого Крайнего моря, прийти, оглядеться и почувствовать, что вернулся домой. И мне бы сейчас, конечно, самое время туда вернуться, куда и бежать в минуту слабости, если не домой, где тебя обнимут каким-нибудь разноцветным ветром, погладят по голове веткой ближайшего дерева, окутают тёплым туманом и нальют столько целебного невыносимого небесного света, сколько в тебя поместится. А потом непременно добавят ещё, – думал я и почти смеялся, то есть, будем честны, почти плакал от счастья, а потом уже не почти, потому что меня и правда обнимал разноцветный ветер, изумрудно-зелёный, под цвет такого же зелёного неба, из трещин в котором лился вот прямо сейчас вполне выносимый, но несомненно целебный огненно-алый свет.

То есть, когда до меня окончательно дошло, что я сижу не на низком парапете ограды заброшенного сада, а на зыбкой туманной тропинке, в которую превратилась пустынная улица Каменных Слов, я и правда расплакался, как дурак, благо тут можно, никто не видит, а Тёмная Сторона знает меня как облупленного, можно не прикидываться более стойким, чем уродился, не держать лицо.

Вот что имел в виду Джуффин, когда говорил, что не нужна никакая магия для того, чтобы просто вернуться домой, – думал я, когда немного пришёл в себя, поднялся на ноги и пошёл, как говорят в таких случаях, куда глаза глядят, хотя на самом деле, глаза никто особо не спрашивал. Но они не в обиде, им тут нравится всё подряд.

Впрочем, вполне возможно, ничего такого сэр Джуффин Халли в виду не имел, а всего лишь объяснял Мелифаро, что я распрекрасно доберусь до Мохнатого Дома без посторонней помощи. А на меня так хитро при этом смотрел просто, чтобы поднять настроение. Например.

Ай, да какая разница, что он имел в виду. Главное, дело сделано. Я уже тут, – весело думал я, шагая вслед за зелёным ветром, который как раз решил поиграть в мою собаку – убегал вперёд, нетерпеливо крутился смерчем, поджидая меня, не выдерживал, возвращался, дул в лицо и повторял всё сначала: ветры неутомимы и очень любят играть.

Говорят, когда-то давно, в древности, когда ни Ехо, ни Соединённого Королевства ещё в помине не было, и вообще никаких государств, только отдельные города, деревни и великое множество лесных хуторов для любителей жить без соседей, и никакого начальства, вроде князей, королей, или кто там ещё бывает, и ничего, отлично без обходились, благо до появления прибывшего из Уандука Ульвиара Безликого с войском миролюбивому местному населению в голову не приходило против кого-то объединяться, защищаться, или нападать; так вот, говорят, в те бесконечно далёкие времена Тёмная Сторона в окрестностях Сердца Мира, где теперь находится город Ехо, была ужасающим местом. Только великие герои, они же безбашенные безумцы, а на самом деле, просто весёлые, храбрые, влюблённые в магию, жизнь и друг друга люди, какими были наши древние маги, решались сюда приходить. Однако с тех пор характер Тёмной Стороны радикально изменился – собственно, благодаря

Древним; судя по тем двоим, кого я видел своими глазами, не перевоспитаться рядом с такими технически невозможно, будь ты хоть трижды непостижимая тайна Вселенной, всё равно догонят, ухватят за ухо, поставят в угол, поцелуют в макушку, выдадут подзатыльник и леденец. Так что теперь самая большая опасность, подстерегающая одинокого путника на Тёмной Стороне – обессилев, рухнуть на землю примерно на четвёртые сутки прогулки, потому что, если не взять себя в руки, бродить здесь можно бесконечно, ну или пока ноги держат, и больше ничего не желать.

Я почти не преувеличиваю, такая опасность действительно есть, потому что когда гуляешь по Тёмной Стороне один, без спутников, очень трудно остановиться, подумать, вспомнить, что пришёл сюда по какому-то делу; тем более к этому делу приступить. А идея вернуться домой представляется совсем смехотворной: я уже дома, куда возвращаться, зачем?

Однако брать себя в руки всё-таки надо. Где ты дома, а где не дома – вопрос философский, и ответов на него существует примерно столько же, сколько высказавшихся на эту тему философов. А на практике всё устроено так, что человеку, если он хочет ещё какое-то время оставаться хотя бы отчасти человеком, не следует слишком долго находиться на Тёмной Стороне.

У меня, так уж вышло, довольно много резонов оставаться настолько человеком, насколько это возможно, хотя бы потому, что быть человеком, который при этом одновременно крутой колдун и живёт в столице Соединённого Королевства – огромное удовольствие и одновременно азартнейшая игра. Я в эту игру пока не наигрался: впервые попал сюда чуть больше дюжины лет назад, а вернулся после долгого перерыва вообще позапрошлой осенью – смешной срок, особенно в Мире, где даже обычные люди без всяких магических ухищрений живут сотни лет.

Поэтому на Тёмной Стороне я всегда теряю голову ровно настолько, чтобы она не мешала наслаждаться пребыванием там. Но потерянная голова всегда держится где-то рядом и демонстративно косится на невидимые внутренние часы: тебе ещё не пора возвращаться? И в какой-то момент я понимаю, что и правда пора.

Вот и на этот раз я волевым решением закончил свою прогулку в центре сияющего неровного круга, окружённого хороводом прозрачных, как бы стеклянных домов без дверей и с непроницаемо тёмными окнами, который, по

словам сэра Джуффина Халли, более-менее соответствует площади Побед Короля Гурига Седьмого. Остановился и по сложившейся традиции сказал вслух: «Спасибо», – это, конечно, слишком мало за выпавшее мне счастье, но лучше сказать слишком мало, чем вовсе не благодарить.

Я собирался попросить Тёмную Сторону аккуратно вернуть меня обратно, благо здесь исполняются все мои высказанные вслух желания, так уж мне повезло, – и только тогда сообразил, что можно сперва попробовать решить свалившуюся на меня проблему. Где, собственно, и просить о возвращении магической силы, если не на Тёмной Стороне.

Мне почему-то было ужасно неловко, чувствовал себя, как школьник, просадивший на всякую ерунду деньги, полученные на завтраки, и теперь пришедший просить ещё. В каком-то смысле, я и был кем-то вроде этого школьника, только удивительный призрачный поезд по-прежнему казался мне вовсе не ерундой, а одной из самых важных на свете штук.

– Пожалуйста, если можно… – сказал я виноватым, жалобным голосом, как и положено транжире-школьнику, просадившему мелочь в игровых автоматах, и сам рассмеялся, услышав себя со стороны. А потом начал заново уже бодро и деловито:

– Если можно сделать так, чтобы способность колдовать вернулась ко мне прямо сейчас, давай, пожалуйста, это сделаем. – И, не удержавшись, добавил, потому что в глубине души считаю Тёмную Сторону Мира своим самым близким другом, а кому и жаловаться на неприятности, если не близким друзьям: – А то, честное слово, без магии за полдня сам себе надоел!

Наградой мне стало совершенно удивительное, ни на что не похожее ощущение, что-то вроде приятной щекотки, только как будто щекочут не лично тебя, а весь окружающий мир, но и тебе за компанию достаётся. Знающие люди говорят, подобные ощущения означают, что ты развеселил Тёмную Сторону, вот буквально до слёз её насмешил. В наше время это мало кому удаётся, обычно, как мне сейчас, совершенно случайно, потому что специальных магических приёмов до сих пор не изобрели, а вот Древние постоянно её смешили, это была очень важная часть их магии; рассказывают, у Древних были длиннющие списки специальных абсурдных шуток для Тёмной Стороны с пометками: «сработало», «не зашло», «очень понравилось, можно повторить через тысячу лет».

Я подумал, что наверное понимаю, почему Тёмная Сторона смеётся. В моих устах «сам себе надоел» звучит так абсурдно, что это и правда смешно. А потом попросил, используя традиционную формулу: «Через полчаса после ухода вернуться домой я хочу». И сразу же обнаружил, что стою посреди своей гостиной в Мохнатом Доме. Раз, и всё.

Если бы мои слова на Тёмной Стороне не имели силу могущественных заклинаний, пришлось бы мне, как всем остальным, полагаться на её волю и возвращаться обратно, когда пожелает сама Тёмная Сторона – например, через несколько лет после ухода, такое, говорят, довольно часто бывает. Или, чего доброго, вообще позавчера. Опытные колдуны вроде сэра Джуффина Халли и леди Сотофы через это тоже прошли прежде, чем освоили специальные хитроумные приёмы, позволяющие более-менее контролировать момент возвращения; всем остальным рекомендуется ходить на Тёмную Сторону, оставив на границе Стража, который их оттуда вовремя заберёт. А я, конечно, отлично устроился: о чём попросил, то и получил.

??*

– Ну надо же, как ты быстро вернулся! – удивилась Базилио, которая всё ещё возилась со своими чертежами, разложенными на столе. – Сэр Шурф тебя уже отпустил?

– А почему он не должен был меня отпустить? – ещё больше удивился я. Потом вспомнил обстоятельства своего ухода из дома: орденского посланца, «разбирательство по делу государственной важности», весь этот нелепый цирк. Спросил: – Ты что, поверила, будто он меня арестовал?

– Да нет, конечно! – рассмеялась Базилио. – Я удивилась, что он тебя обедать не усадил. Сэр Шурф, по-моему, именно за этим тебя всегда и зовёт – ну, я так думала. Но получается, нет?

Отчасти она права – в том смысле, что у Шурфа прекрасный повар, лучший в столице Соединённого Королевства на сегодняшний день. Будь у меня такой повар, я бы ежедневно зазывал на обед всех друзей и просто знакомых, чтобы лишний раз перед ними похвастаться. Но сэр Шурф – человек крайне сдержанный и кормит только меня, зато с почти пугающей регулярностью. Счастье, что я обладаю чудесной способностью обедать хоть четырежды в день,

а то плакали бы мои походы по любимым трактирам. Но я как-то справляюсь. Я вообще великий герой.

– Ещё как усадил, – сказал я Базилио. – У него разговор короткий. Пришёл? Обедай давай.

– И ты так быстро успел? – изумилась она. – Всего за полчаса и до Иафаха доехал, и пообедал, и обратно вернулся? Ну и дела!

Я начал понимать, что случилось. И, честно говоря, похолодел. Всё-таки подобные истории хороши, пока их рассказывают о ком-нибудь постороннем. В идеале, о древних Тёмных магистрах: они были так давно, что уже, можно сказать, не считаются. Но я-то есть прямо сейчас!

И вот прямо сейчас я сижу в Иафахе, в кабинете Шурфа. Жалуюсь ему на своё настроение, болтаю с ним о приметах и других пустяках. А потом буду обедать. А потом пойду в Управление – ещё нескоро, где-нибудь через час. И одновременно уже оттуда вернулся домой. Нормально вообще развлекаюсь. В смысле, Тёмная Сторона развлекается. Имеет полное право. Потому что формулировать просьбы надо нормально. Когда уже научусь.

– Значит, так, – сказал я Базилио. – Слушай меня внимательно. Я сейчас запрусь в кабинете, а ты никому не говори, что я вернулся домой. Увезли в Иафах, и точка. Я знаю, что ты не любишь обманывать, но придётся. Это очень важно. Мой единственный шанс избежать неприятностей, связанных с парадоксами времени.

Вместо того чтобы испугаться, Базилио обрадовалась. С другой стороны, на то она и чудовище, чтобы радоваться подобным вещам.

– Неприятностей с парадоксами времени? – восхищённо переспросила она. – Это как?

– Я с Тёмной Стороны только что вернулся неправильно. Раньше, чем туда отправился, примерно на три с лишним часа.

Базилио аж подпрыгнула.

– Вернулся на три часа раньше, чем ушёл! Вот здорово!

– Да, неплохо, – согласился я. – Но очень неосторожно с моей стороны. Опасная ситуация. Меня сейчас в Мире целых две штуки, прикинь. Один в Иафахе, а второй – здесь с тобой. Поэтому сейчас я поставлю барьер от Безмолвной речи, запрусь в кабинете, и буду там тихо сидеть, пока сэр Макс номер два – или он как раз номер один? чокнуться можно! – не уйдёт на Тёмную Сторону. После этого парадокс, по идее, благополучно рассосётся, и в Мире снова останусь один-единственный я.

– Драть сто коз на крутом пригорке! – воскликнула Базилио, как я понимаю, просто от полноты чувств. Из чего я заключил, что студенческая жизнь пошла ей на пользу. Раньше она не умела ругаться, хотя я, будучи сторонником гармоничного развития личности, неоднократно пытался научить неумеренно деликатное чудовище хотя бы классическим образцам площадной брани. Но куда мне с моими педагогическими экспериментами до университетских профессоров.

– Тебе Мелифаро скоро пришлёт зов, – сказал я. – Будет спрашивать, куда я подевался. Пожалуйста, скажи ему, что я ночевал дома, а потом меня арестовали и увезли в Иафах. Только это, ни слова больше. Пожалуйста, не перепутай. Потому что в моей реальности ты ему уже это сказала. Очень важно никаких противоречий не создавать. От них, говорят, Мир с ума сойти может. Ты готова жить в обезумевшем Мире? Лично я нет.

– Вообще-то было бы интересно, – вздохнула Базилио. – Но только если немножко: посмотреть, как всё будет, а потом чтобы сразу снова началась нормальная жизнь.

– Это вряд ли получится. Даже обезумевшего человека знахари не всегда могут вылечить. А тут – целый Мир.

– И ему же самому, наверное, не понравится! Сэр Абилат говорил, безумцем быть очень неприятно, в сто раз хуже, чем просто несчастным, – спохватилась Базилио.

Чудовище-то она чудовище, но с состраданием у неё получше, чем у большинства людей.

– Ты не волнуйся, – поспешно добавила она. – Я тебя не подведу. Мне только теоретически интересно, как изменятся все правила жизни, если Мир вдруг сойдёт с ума. Но я не собираюсь проверять это на практике. Тем более что наверняка же можно наиболее вероятные последствия безумия Мира просто как-нибудь математически рассчитать.

С этими словами Базилио достала из кармана самопишущую табличку. Объяснила:

– Я же и правда обманывать не умею, сразу начинаю путаться и в конце концов выкладываю всё как есть. Но когда читаю написанное, отлично всё получается. Всегда так делаю, если очень нужно соврать.

– Круто, – одобрил я. – Я бы тоже попробовал, но бесполезно: сразу запутаюсь, для кого на какой табличке у меня враньё. Ладно, я пошёл прятаться, а ты спасай Мир от парадоксов времени. Держись, друг.

С этими словами я шагнул в кабинет Тёмным Путём, даже не задумавшись, могу это сделать, или нет. Уже потом, задним числом, отметил, что всё получилось. Но совершенно не удивился и даже не особо обрадовался, потому что – а как иначе? О чём попросил, то и получил. Всё-таки Тёмная Сторона избаловала меня до безобразия, это факт.

Сэр Джуффин Халли, которому я послал зов четыре часа спустя – и как я за это время не лопнул от нетерпения, до сих пор остаётся загадкой – тоже не удивился. Ни тому, что я сумел пройти на Тёмную Сторону, ни тому, что так легко вернул себе магические способности. Он в каком-то смысле тоже избалован до безобразия – наблюдениями за мной. Сказал: «Был совершенно уверен, что ты как-нибудь так и выкрутишься», – и закрыл вопрос.

Зато и за устроенный на ровном месте парадокс времени не стал сердиться. Я бы на его месте голову оторвал за такой глупый прокол, а Джуффин даже, похоже обрадовался: «Ага, вот и ты наконец-то попался, добро пожаловать в клуб». Но и хвалить за то, что я так ловко уладил проблему, запершись в кабинете, не стал, как будто это обычное дело, а не высшее интеллектуальное достижение всей моей жизни: «Ну да, я в своё время тоже так поступал, самый

простой выход в подобной ситуации – никому не попадаться на глаза».

Наверное, именно тогда я окончательно понял, что Джуффин уже давно считает меня не учеником, а примерно таким же могущественным колдуном, как он сам, со своими сильными и слабыми сторонами, которые, как ни крути, есть вообще у каждого. И совершенно не намерен меня воспитывать – ни ругать, ни хвалить.

То есть Джуффин сам уже много раз что-то подобное говорил и вёл себя со мной на равных, всерьёз советовался по сложным вопросам, в спорных ситуациях легко соглашался: «ладно, тебе видней», даже вместо служебных распоряжений я в последнее время слышал от него исключительно просьбы помочь разобраться с проблемой, но до сих пор был уверен, что это просто игра, вернее, часть сложной педагогической системы сэра Джуффина Халли, согласно которой, на каком-то этапе с учеником следует взаимодействовать именно так.

Но похоже, он и правда считает, что мне самому виднее, мамочки, ужас какой, – думал я, спускаясь в гостиную, где шеф Тайного Сыска обещал объявиться буквально с минуты на минуту с новенькой колодой игральных карт.

Впору бы загордиться от такого открытия, но я не загордился, конечно. И не потому, что внезапно исполнился скромности. Просто было не до того. Чувствовал себя, как неопытный канатоходец, который думал, будто идёт по канату над пропастью с надёжной страховкой, положенной новичкам, и вдруг обнаружил, что спасительный пояс отстёгнут. Причём, похоже, уже довольно давно. В общем, хорошо, что до сих пор не свалился в пропасть, но вряд ли потому, что такой уж великий мастер. Просто везло.

Впрочем, после того, как я проиграл Джуффину дюжину партий кряду, и выслушал его укоризненный монолог о легкомысленной молодёжи, даже после самого короткого посещения Тёмной Стороны напрочь теряющей способность соображать, меня попустило. Всё-таки сэр Джуффин Халли по-прежнему считает меня молодым и глупым. Не питает напрасных иллюзий. Натурально камень с души упал.

??*

Жизнь моя снова стала условно простой, ещё более условно понятной, зато безусловно счастливой штукой, какой была до происшествия с поездом-призраком. Разве что возможность колдовать вызывала у меня теперь совершенно неофитский восторг. И лень, мешавшую осваивать эффектные, но почти бесполезные для работы магические приёмы, как рукой сняло. Боюсь, я стал слишком старательным учеником, хуже Базилио, которая до сих пор казалась мне образцом чокнутой отличницы. Но я её превзошёл. Даже сэр Шурф, которому до сих пор чрезвычайно нравилось учить меня усвоенным в годы орденской юности малоизвестным фокусам, читай – строить, как роту новобранцев и гонять в хвост и в гриву – в конце концов взвыл от моей энергичности. Ну то есть не в голос взвыл, как лесной оборотень в ожидании новой луны, а исключительно внутренне, не подавая виду. Но я чуткий, я услышал его безмолвный педагогический вой и даже испытал что-то вроде угрызения совести. Однако не оставил его в покое. Просто не смог.

Всё это, впрочем, не мешало размеренному течению жизни – как я его себе представляю. То есть я не только с утра до ночи осваивал практически бесполезные, зато чрезвычайно эффектные магические приёмы, но и часами кружил по городу, упиваясь ароматом цветущих садов и весенних костров, подолгу сидел с друзьями в трактирах, решал разнообразные рабочие проблемы, регулярно уводил на Тёмную Сторону хренову толпу новичков – сам не заметил, как это успело стать моей практически повседневной обязанностью и одновременно дополнительным источником радости такой силы, что одного его с лихвой хватило бы на совершенно счастливую, полную смысла жизнь. И даже спать при этом вполне успевал, причём не на ходу, а лёжа в постели; это, я и сам понимаю, наименее правдоподобная деталь моего повествования, но у меня есть свидетели, готовые подтвердить под присягой: время от времени я действительно спал.

А иногда я отменял назначенные встречи, откладывал в сторону поучительные старинные трактаты по магии, одним своим видом способные свести нормального человека с ума, шёл на пустырь, окружавший развалины бывшей загородной резиденции Ордена Дырявой Чаши, садился в густую траву и сидел там терпеливо, как рыбак, закинувший удочку, – вот уж чудо, так чудо, посмотрел бы кто, как я подолгу неподвижно сижу на одном и том же месте, решил бы, что меня подменили. Страшная штука – смутная надежда на нечто, совершенно не зависящее от тебя.

Не то чтобы я действительно ждал появления поезда-призрака; хотя, кого я хочу обмануть? Конечно, ещё как ждал. Больше всего на свете хотел ещё раз увидеть этот поезд. Потому что, во-первых, он был фантастически красивый, по крайней мере, запомнился мне красивым, а значит, навсегда таким для меня стал. Во-вторых, поезд в центре столицы Соединённого Королевства казался до такой степени невозможным, что ожидание новой встречи с ним заменило мне тоску по чуду, совершенно абсурдную для человека, живущего в Мире полном чудес, но всё равно мне присущую, составляющую самый фундамент меня. А в-третьих, мне было обидно. Потому что я же, чёрт побери, приказал этому грешному поезду: «оставайся с нами». Ладно, не приказал, попросил. И, между прочим, потратил на это столько сил, что даже способности колдовать лишился. То есть очень неплохой сделал вклад, хоть и невольно, без задней мысли, но в зачёт идут не намерения, а дела. А поезда всё равно нет, как будто я вообще ничего не делал. Как будто моя воля не имеет никакого значения. К такому я не привык. Что вообще за фигня?

Так прошло почти три с половиной недели; впрочем, в Соединённом Королевстве никто не считает время неделями, поэтому скажем иначе: прошло примерно две дюжины дней. Весна была в самом разгаре, но мы все уже успели более-менее к ней привыкнуть, и кипение вызванных её приходом страстей не то чтобы вовсе сошло на нет, но постепенно утихло, как будто под котлом с нашими судьбами слегка прикрутили огонь. В Мохнатый Дом вернулись блудные леди Тайяра и Дримарондо, в один голос поющие дифирамбы аскетическим радостям интеллектуального труда, сэр Кофа перестал пропускать утренние совещания, леди Кекки Туотли снова завалила нас условно полезными сведениями о жизни Королевского двора, Мелифаро подарил свою любимую летающую доску жене, и теперь над городом носились леди Кенлех с подружками; я втайне лелеял надежду, что они ещё долго не наиграются и не станут предлагать покататься всем родным, друзьям и просто знакомым, начав, о ужас, с меня. Даже на торговца фальшивым любовным зельем наконец посыпались жалобы: караул, грабёж, приворотные леденцы не действуют! Ему бы раньше остановиться, избежал бы всех неприятностей, но бедняга не рассчитал.

А я почти перестал ходить на пустырь в надежде ещё раз увидеть чудесный поезд. Не хочет существовать, ему же хуже. Сам дурак.

Тем сильнее оказалось моё удивление, когда сэр Джуффин Халли пригласил меня в кабинет и молча выложил на стол несколько карандашных рисунков, таких неумелых, что неудачливый художник в моём лице был, можно сказать, отмщён. Однако понять, что на всех нарисован именно поезд, всё-таки было можно. Вернее, невозможно было этого не понять.

И вот тогда я по-настоящему рассердился: ах ты гад вероломный, каким-то посторонним людям, значит, вот так запросто показываешься, а мне – нет?!

– Я-то думал, ты обрадуешься, – заметил шеф Тайного Сыска, удивлённо созерцая непростое выражение моего лица. – У тебя как минимум два стоящих повода: во-первых, видишь, сколько людей рисуют гораздо хуже, чем ты? И ничего, живут и не тужат. А во-вторых, появились новые свидетели твоего… этого, как его?…

– Поезда.

– Поезда, – с удовольствием повторил Джуффин. – Как минимум шесть человек его видели на том же самом пустыре. И это, учти, только те, кто болтал о происшествии где попало, рассказывал всем подряд и попал на заметку агентам Кофы; возможно, есть и другие, просто они пока молчат. Для чистоты эксперимента мы не стали показывать свидетелям твой рисунок, а попросили их самостоятельно изобразить своё удивительное видение. И вот тебе результаты. По-моему, сомнений нет: на всех рисунках изображено примерно одно и то же. И это одно и тоже очень похоже на то, что нарисовал ты. Получается, ты своего добился. Продлил-таки жизнь этому наваждению. Чего хотел, то и получил. Насколько я успел тебя изучить, подобные бессмысленные победы ты любишь больше всего на свете. И вдруг почему-то совершенно не рад.

– Ещё как рад, – вздохнул я, возвращая на стол картинки. – Просто сердит гораздо больше.

– Сердит? – удивился Джуффин. – На кого? И за что? Если на нас с Кофой, то это вообще-то часть нашей работы – собирать информацию обо всех странных происшествиях и разбираться, что за ними стоит.

– Да ну, не на вас, конечно, – невольно улыбнулся я. – На вас-то чего. Я на него рассердился.

– На кого – «на него»?!

– На поезд. То есть на наваждение. По-моему, оно совершенно по-свински себя ведёт. Показывается кому попало, а мне хоть бы разок…

– А ты его караулил? – обрадовался Джуффин.

– Представь себе.

– Серьёзно? Ну ты даёшь.

– Ну не то чтобы именно караулил, – вздохнул я, всё ещё раздосадованный вероломством поезда. – Круглосуточно там не сидел. Но наведывался на пустырь достаточно часто, чтобы у поезда была возможность мне показаться. Но не преуспел.

– А ты к какому-то определённому часу ходил? – оживился Джуффин.

– Да нет, конечно. Когда время свободное выдавалось. Чаще по вечерам, но пару раз и днём на этот пустырь заглядывал. А что?

– Все наши свидетели видели твой поезд примерно в одно и то же время. Около полуночи. Как я понимаю, именно тогда, когда его впервые увидел ты сам. Вполне обычное дело: наваждения довольно часто придерживаются чёткого расписания. Почему, есть много гипотез, но точно не знает никто. Лично я думаю, наваждения в силу своей зыбкой природы инстинктивно ищут хоть каких-то опор в реальности и выбирают простые и очевидные: время, место. Хотя, конечно, бывает по-разному. Мне рассказывали о доме-призраке, который в старину, ещё до Смутных Времён, появлялся на углу улиц Всадников и Десяти Пьяниц, но только перед людьми в синих одеждах, остальным показываться не желал. А у нас в Кеттари в годы моего детства бытовала история про гигантскую лисицу с глазами-звёздами, которая всегда выходит навстречу паре охотников, одному или большой компании встреча с этой лисицей не светит…

– Ты уже четвёртый раз рассказываешь при мне эту историю, и число охотников, которым показывается лисица, всё время разное! – внезапно возмутился буривух Куруш. – То двое, то трое, то пятеро, теперь вдруг двое опять. Я совсем не

против обмана, он бывает довольно полезен, когда имеешь дело с людьми. Но такие мелкие несоответствия сводят меня с ума.

– Прости, милый, – кротко ответил Джуффин. – Не то чтобы я собирался кого-то обманывать именно в этом вопросе, просто сам уже толком не помню, какое число охотников фигурировало в той истории. Очень давно дело было. Когда я впервые услышал байку про лисицу, мне ещё не исполнилось и двадцати[2 - То есть, по нашим меркам, примерно пять лет. Люди в Мире не только живут долго, но и взрослеют медленно. Не хочу показаться совсем уж занудой, но для понимания контекста лучше почаще об этом напоминать.].

Всё-таки Куруш не из одного меня вьёт верёвки. Волю сэра Джуффина Халли он, похоже, ещё пуще поработил. Не хотел бы я, чтобы меня вот так ловили на мелких неувязках, да ещё и в присутствии подчинённых. А шеф только улыбается умилённо. Совсем беда.

– Так в полночь ты на этот пустырь хотя бы раз приходил? – спросил меня Джуффин.

– Ты знаешь, – подумав, сказал я, – получается, именно в полночь я там больше ни разу не был. Обычно приходил гораздо раньше, сразу после заката. Однажды отправился уже после полуночи – сон не шёл, и погода была отличная, решил погулять. Ну и днём пару раз туда заглядывал, но это я тебе уже говорил. Надо же, в голову не пришло, что это может быть как-то связано со временем суток! Думал, поезд может появиться, когда сам захочет. А теперь ты сказал, и мне кажется – так очевидно. Ну конечно, надо было в полночь туда прийти!

– И что ты намерен делать, если встретишь свой поезд? Ещё разок прокатиться? – спросил шеф Тайного Сыска так беспечно, словно я пришёл к нему выяснить, где у нас тут ближайшая карусель.

– Да упаси меня боже! – искренне содрогнулся я. И чтобы разговор не скатился в неизвестно какую по счёту дискуссию о религиях иных реальностей, до которых шеф Тайного Сыска большой охотник, поспешно исправился: – В смысле, Тёмные Магистры меня упаси.

– Вот это вряд ли, – неожиданно рассмеялся Джуффин. – Плохих спасителей ты себе выбрал. Эти красавцы сами вперёд тебя побежали бы кататься на твоём

поезде, не задумываясь о последствиях. Такой уж вы с ними беспечный народ.

– Спасибо за комплимент, – вздохнул я. – Но я пока, к сожалению, не дотягиваю. Я только изредка, под настроение, более-менее беспечный народ. А так-то расчётливый и осторожный. И в поезд этот дурацкий больше ни за что не полезу. Мне не понравилось жить без магии. За полдня сам себе опротивел, ты что.

– Не имеет значения, что ты сейчас говоришь, – отмахнулся Джуффин. – Имеет значение только как ты себя поведёшь, когда дойдёт до дела. И боюсь, я заранее знаю ответ.

– А кстати, эти люди как себя повели? – спросил я. – Свидетели? Никто не попробовал?…

– Вскочить на подножку? Естественно, нет. Бежали оттуда, сверкая пятками, один потом даже к знахарю за успокоительными пилюлями пошёл. Это же только для тебя поезд – простая и понятная вещь. А для остальных – то ли гигантское ужасающее чудовище с неведомыми намерениями, то ли специальная дымящаяся колесница для чудовищ; по крайней мере, так они потом говорили. Хорошо хоть в последнее время наши горожане снова привыкли к высоким ступеням магии и зрелищам, которые при их помощи можно устраивать, так что никто не свихнулся на месте. Но охотников добровольно соваться в пасть неведомому чудовищу немного найдётся. Причём добрая половина этих героев сейчас проходит лечение в Приюте Безумных, ещё несколько отлично проводят время в пожизненном изгнании, а остальные работают на меня.

– Ну и хвала магистрам, – вздохнул я, не особо стараясь скрыть разочарование. А оно было велико, потому что, с одной стороны, людям, пожалуй, и правда не стоит соваться в этот призрачный поезд. А с другой – я дорого дал бы, чтобы послушать о таком приключении. Где проезжали, что успели увидеть, и, чем чёрт не шутит, что там, в поезде, происходит внутри?

– Я и сам надеялся побольше узнать об этом загадочном явлении, – заметил Джуффин. – Но от наших свидетелей особого толку нет. Только не считай, пожалуйста, мои слова завуалированной просьбой отыскать и исследовать этот поезд. Просто поверь: это не она. Я бы вообще строго-настрого приказал тебе ни

при каких обстоятельствах туда не соваться, но мои официальные полномочия не распространяются на твою частную жизнь. Поэтому могу только по-дружески посоветовать: не стоит возвращаться туда, откуда вернулся пропахшим неизвестно чьей смертью. Плохое было начало. Не нужна тебе эта игра.

– Но тогда зачем ты мне подсказал, что поезд появляется на пустыре не когда попало, а именно в полночь? – изумился я. – Я бы ещё долго до этого не додумался. Есть шанс, что вообще никогда.

– Сам сейчас задаю себе тот же вопрос, – усмехнулся он. – Нелепо подсказывать человеку вроде тебя, как половчее нарваться на неприятности, которые до сих пор милосердно обходили его стороной. Мне, конечно, интересно, что будет, когда ты снова увидишь свой поезд. Как ты себя поведёшь, надолго ли снова исчезнешь, и в каком состоянии мы, если что, получим тебя назад. Будет ли снова висеть над тобой тень неизвестно чьей смерти, или от неё уже не осталось и следа? Какого рода это наваждение – одно из тех недолговечных порождённых последними выдохами миров, которые когда-то наблюдали мы с Махи, или нечто совсем иное? И что с ним произойдёт после вашей новой встречи? Рассеется, или окрепнет? И к чему всё в итоге придёт? И сможем ли мы однажды узнать, откуда оно вообще взялось на твою голову – в самый первый раз? Случайность это была, или кем-то тщательно запланированное происшествие, и если второе, то кем именно оно было спланировано? Хотел бы я всё это знать! Не так уж много осталось в Мире вещей и явлений, представляющих для меня настолько неразрешимую загадку, что ответ на неё нельзя не только самостоятельно отыскать, но даже с достаточной степенью уверенности предположить. И вдруг – вот она, тайна! И ключ к ней поблизости бегает. То есть бегаешь. Ты. Каким-то чудом уцелевший после давешнего приключения, так что лучше бы тебе больше никогда туда не соваться. Но пока ты не сунешься, мы совершенно точно ничего не узнаем, а это обидно. Безответственная позиция, согласен. Но ничего не поделаешь, любопытство – моя главная слабость. Она же – источник силы. Строго говоря, моё любопытство – и есть я сам. Поэтому одной рукой стараюсь удерживать тебя на расстоянии от опасности, а другой наоборот, подталкиваю вперёд. Иногда со мной трудно иметь дело. Мне самому – и то трудно. Извини.

– Ясно, – кивнул я. – Спасибо за откровенность. Хотя есть у меня версия, что ты сейчас специально всё это сказал, чтобы я не полез в поезд из вредности. Чтобы захотел показать тебе, что хитростью ты меня не заставишь и намёками не уговоришь. Не желаю рисковать своей драгоценной шкурой, и точка, хватит с

меня воображаемых поездов.

– Хорошая версия! – обрадовался Джуффин. – Красивая двухходовка. Я её действительно иногда применяю. Но не с тобой. Ты для этого всё-таки недостаточно вредный, сэр Макс.

– Обидно такое слышать, – вздохнул я. – Особенно от начальства. Ну, значит, надо больше стараться, учту.

– Да ладно тебе, – усмехнулся шеф Тайного Сыска. – Со стороны ты выглядишь не особо покладистым. А правду я, так и быть, никому не скажу.

– А знаешь что, – сказал я, и сам удивился – тому, что собираюсь ему предложить, и одновременно тому, что сделал это не сразу. – Давай вместе устроим засаду. Пойдём на этот грешный пустырь вдвоём. Если поезд и правда появляется в полночь, как минимум своими глазами на него посмотришь. Наверняка же увидишь гораздо больше, чем я. Заодно удержишь меня от безумных прыжков на подножку. Ну или наоборот, подтолкнёшь. Меня оба варианта устраивают. И одновременно оба не особенно нравятся. Но сам знаешь, со мной вечно так.

– Отличное предложение! – просиял Джуффин. – Не представляешь, как я ему рад. Не хотел без особой необходимости вмешиваться в твои дела, и всё прикидывал, наступила эта особая необходимость, или пока ещё нет. А теперь и прикидывать не надо, раз ты сам приглашаешь. С удовольствием составлю тебе компанию в любой момент. Да хоть сегодня. Чего тянуть.

??*

– Уже почти целый час прошёл после полуночи, – сказал сэр Джуффин Халли. – Предлагаю отметить наше с тобой первое совместное охотничье поражение в каком-нибудь более уютном месте. Чем дольше мы тут просидим, тем больше будем похожи на неудачливых дураков.

– Красиво формулируешь, – вздохнул я, поднимаясь на ноги. И уже после того, как мы оба оказались в гостиной Джуффина, спросил: – Получается, поезд не каждый день на пустыре появляется?

– Получается, как видишь, – согласился он. Подошёл к буфету и так долго выбирал там стаканы, словно я специально явился проверить, выйдет ли из шефа Тайного Сыска толковый мажордом.

Правда потом Джуффин налил в стаканы такое изумительное вино, что даже я, избалованный раритетами из погребов Ордена Семилистника, ахнул, попробовав. И спросил:

– Слушай, где ты такое берёшь?

– Не «где», а «когда», – усмехнулся Джуффин. – На сто восемнадцатый год правления Халлы Махуна Мохнатого пришёлся лучший урожай винограда за все обозримые времена; по крайней мере, так считают историки виноделия, а я верю им на слово, потому что не настолько гурман, каким обычно пытаюсь прикидываться. Но вино, сам видишь, отличное. Моя жена только его и пьёт. И со мной поделилась. Поступок немыслимой щедрости: для неё это вино – единственный стоящий повод иногда ненадолго покидать Тёмную Сторону. Чтобы в сто восемнадцатом году правления Халлы Махуна зайти в винную лавку, одну из шести, первыми открывшихся в новой столице… Нет, вру, она ещё за ореховыми пирожными в эпоху правления вурдалаков Клакков бегает. Во все годы по очереди. Никак не может определиться, при ком из Клакков эти грешные пирожные были особенно хороши.

Я знаком с женой Джуффина, которую все в столице давно считают покойницей, а шефа Тайного Сыска, соответственно, безутешным вдовцом. Ну, то есть как – знаком. Один раз встретил её на Тёмной Стороне. И в первый момент решил, что это сама Тёмная Сторона приняла человеческий облик, чтобы поближе со мной познакомиться и поговорить на понятном мне языке[3 - Это происшествие описывается в книге «Я иду искать».]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Обет Лаллориха, названный так в честь одного из соратников Ульвиара Безликого, который то ли придумал такой способ держать слово, то ли просто был первым, кому пришлось испытать силу обета на себе, – этих подробностей история, увы, не сохранила. Своего рода заклинание, подчиняющее не волю приносящего обещание, а обстоятельства, которые будут вынуждены содействовать его выполнению.

2

То есть, по нашим меркам, примерно пять лет. Люди в Мире не только живут долго, но и взрослеют медленно. Не хочу показаться совсем уж занудой, но для понимания контекста лучше почаще об этом напоминать.

3

Это происшествие описывается в книге «Я иду искать».

Купить: https://tellnovel.com/maks-fray/tak-beregis

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити